

О ЛЕКСИЧЕСКИХ МОРАВИЗМАХ В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ (3)¹

Ростислав Станков (София)

Гони природу в дверь: она влетит в окно

Н. М. Карамзин

Третью группу исследования К. А. Максимовича² составляет лишь одно слово, которое по идее автора является термином, имеющимся в болгарских диалектах, но не в памятниках.

ОУВАРОВАТИ ‘сберечь, сохранить’: (1) аще ли не възмогла боудеть оуваровати поуцъгнѣ н ско(у)догты потрѣбныхъ н оумреть роженое, то да мнла боудеть м(а)ти (εἰ δὲ οὐκ ἠδυνήθη περιστέλαι, καὶ δι’ ἐρημίαν καὶ ἀπορίαν τῶν ἀναγκαίων διεφθάρη τὸ γεννηθέν, συγγνωστὴ ἡ μητήρ) (Номоканон³, 336, 25 – 337, 1, далее НМ).

Во-первых, К. А. Максимович делает упор на употребление слов варовати сѧ ‘беречься; savege’, варовьно ‘caute’, варовьнън ‘cautus’ только в древнейших “западных” памятниках – *Беседах* Григория Великого и *Житии* св. Бенедикта⁴.

Во-вторых, К. А. Максимович цитирует мнение болгарского этимологического словаря⁵, что слово *варам* ‘беречь’ проникло в болгарские диалекты из сербского языка, а “его поздний и вторичный характер в болгарском доказывается не только полным отсутствием в древних памятниках и семантическими инновациями, но и неразвитостью системы дериватов”⁶.

Первое утверждение Максимовича не отвечает действительности, И. И. Срезневский приводит варовати ‘сохранить, защитить’ из Толковой Псалтири XII в. (48:12) и варовати сѧ ‘savege, беречься’ из Златоструя XII в.: (2) Тамго (на небе) вароуѣтъ дѣла; (3) Вароуѣще сѧ н блюдоуѣе свою жнзнь

¹ Настоящая статья завершает цикл статей, посвященных проблеме моравизмов в древних славянских рукописях; см.: *Станков Р.* О лексических моравизмах в древних славянских рукописях. – В: Преславска книжовна школа, т. 9. Шумен, 2007, с. 29-52; *Станков Р.* О лексических моравизмах в древних славянских рукописях (2) – В: Българска филологическа медиевистика. Сб. научни изследвания в чест на проф. И. Харалампиев. В. Търново, 2006, с. 261-287; *Станков Р.* Еще раз о непрназн. – В: 60 години руска филология в СУ. Сб. научни изследвания. София, 2006, с. 71-80.

² *Максимович К. А.* Региональные лексические архаизмы в моравских памятниках IX в. – В: Русский язык в научном освещении, 2005, № 1 (9), с. 116-162.

³ Здесь и далее НМ цитируется по изданию Й. Вашицы (*Vašica J.* Nomocanon. – In: Magna Moraviae. Fontes Historici, D. 4, Vmno, 1971, с. 205-363) с обозначением страницы и строки.

⁴ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 144; *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Vindobonae, 1862-1865, с. 1032; *Slovník jazyka staroslověnského, ČSAV, 1-52, Praha, 1958-1997, I, с. 166; IV, с. 588-589.*

⁵ Български етимологичен речник. I-VI, БАН, София, 1971-2002; I, с. 119.

⁶ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 144.

провожднмъ⁷. И. И. Срезневский включил и слово *варъ* ‘стороженье’, но без указания текста⁸.

Более того, К. А. Максимович ссылается и на *Lexicon* Ф. Миклошича (с. 1032), но проходит мимо с. 56 (*варовати са*) того же источника, где очерчен довольно широкий ареал употребления однокоренных слов: болгарский, сербский, хорватский и даже венгерский, на что справедливо обратила внимание М. Цибранска⁹; к тому же Миклошич указывает и на валашко-болгарские грамоты. Фиксация слова в старочешском, на которую делает ставку Максимович, особого значения не имеет, так как слово, очевидно, было известно древнеболгарскому языку.

Второе утверждение К. А. Максимовича связано с происхождением данного слова. Этимология славянских слов с корнем *вар-* заслуживает специального внимания. Й. Заимов считает, что болг. *в́арам*, *в́арвам* проникли в болгарский из сербского (*варати*, *варовати*), а последние восходят к нем. *wahren*¹⁰; при этом автор сослался на книгу Е. Шнеевейса¹¹. Сам Е. Шнеевейс отмечает, что сербские и хорватские глаголы *varati*, *varovati*, *vardati* восходят к нем. *wahren* (с.-в.-н. *warn*, д.-в.-н. *bewarōn*, д.-в.-н. *wara*). При этом Шнеевейс указывает на источники XV в., фиксирующие сербские и хорватские глаголы; т.е. для автора эти формы возникли поздно; более ранние славянские источники, цитированные выше, ему, видимо, были неизвестны. Далее в работе Е. Шнеевейса указано, что серб. и хорв. *vardati* связано с итал. *guardia*, которое от д.-в.-н. *warten*.

Серб. и хорв. *vardati* этимологически связано с такими болг. словами: *в́арда*¹ междом. ‘берегись’, *в́арда*² ‘стража’, *в́ардя* ‘стеречь’. *В́арда*¹ возводится к греч. *βάρδα* < итал. венец. *varda* ‘смотри, берегись’ (морская команда); *в́арда*² – к греч. *βάρδια* ‘стража, караул’ < итал. *vardia* < нем. *warda*; *в́ардя* – к серб. и хорв. *vardati*, *vardam* от итал. *guardare*¹². Л. Ванков считает, что славянские слова с корне *вард-*, *vard-*, известные также греческому и турецкому языкам, восходят не прямо к немецкому, а распространились в балканских языках через посредство итальянского (точнее, через венецианский диалект¹³). Можно согласиться с мнением Л. Ванкова, что болг. *в́арда*¹ и *в́арда*² восходят к итальянскому через посредство греческого. Мнение Й. Заимова, что глагол *в́ардя* заимствован из сербского,

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. I-III. Санкт-Петербург, 1893-1912; I, с. 229.

⁸ Срезневский И. И. Материалы..., I, с. 230.

⁹ Цибранска-Костова М. Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюрисдикцията книжнина. София, 2000, с. 63.

¹⁰ Български етимологичен речник, I, с. 119.

¹¹ Schneeweis E. Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in Kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960, с. 123.

¹² Български етимологичен речник, I, с. 119-120.

¹³ Ванков Л. Към историята на италианските заемки в български. 1762-1860. – В: Годишник на Софийския университет, Филологически факултет, т. ЛП, 2, 1956-1957, София, 1959, с. 231-232.

неприемлемо ввиду мягкости глагольной основы, заканчивающейся на -д.¹⁴ *Вардя* попадает в группу современного болгарского II спряжения на -и- (2 л. ед. наст. *вардиш*), а исторически соотносимо с древнеболгарским IV спряжением – *ходншн*, *вдншн* (*ходнтн*, *вдѣтн*). Глаголы типа *ходнтн*, *вдѣтн* в 1 л. ед. наст. депалатализовались, т.е. потеряли группу *жд* из *dj; при этом мягкость согласного *d* сохранилась в восточноболгарских говорах (литературные формы *хóдя* [хóд'ъ], *вѣдя* [вѣд'ъ]), а в западноболгарских – *хóда* [хóдъ], *вѣда* [вѣдъ]; при этом в западноболгарских говорах возможны и формы по III спряжению, возникшему из древнеболгарского атематического спряжения, – *ходим*, *ходам*, *видим*, *видам*. Процесс депалатализации с утратой мягкости *d* отмечен еще в XIII в. в Добрейшовом евангелии (*въсходѣ*, *прнходѣ* 1 л. ед. наст.)¹⁵. Если бы *вардя* заимствовано из сербского языка, как полагает Й. Заимов, то следовало бы ожидать твердое окончание основы глагола и наличие (наряду с *вардим* 1 л. ед. наст.) формы *вардам*; формы *вардим* (запад) и *вардя* (восток) показывают распространение на всей территории Болгарии. Скорее всего глагольная форма *вардя* является поздним самостоятельным образованием в болгарском языке от заимствованных *варда*¹ и *варда*². Об этом свидетельствует и наличие производных: *вардач*, *вардар*¹⁶, *завардя*, *завардвам*, *извардя*, *извардвам*, *овардя*, *овардвам*, *увардя*, *увардвам*. Более особое место занимает *вардиянин*¹⁷, *варди́нин*, *вардийáнин*¹⁸, определяемое, обычно, как простонародное слово. Большинство слов со формантом *-ѣн-инъ*, *-jan-inъ*, отличающемся большой продуктивностью в славянских языках, оттопонимические и этнонимические названия. В некоторых случаях слова, образованные по этой модели могут указывать не на территориальное происхождение или принадлежность к месту, а на связи с сословием, группой людей, предприятием, занятием, характерным действием (последний тип соотносим с глаголами)¹⁹. Семантика слова *вардиянин* на стыке занятия и действия ('человек, который охраняет кого-нибудь, что-нибудь'), т.е. его можно соотносить с греч. *βάρδια* 'стража, караул' или с глаголом *вардя* с словообразовательным продлением основы.

Выяснив этимологию слов с корнем *вард-*, вернемся к рассматриваемому слову с корнем *вар-*. К. А. Максимович, упоминая этимологию слов с корнем *вар-*, сослался на П. Скока, обходя, однако, стороной некоторые очень существенные детали.

¹⁴Эту мягкость отражают не все словари: *Геров Н.* Речник на българския език, I-VI, Пловдив, 1895-1908, I, с. 107, *вардѣ*, однако у Герова это касается и других глаголов: ср. *пазѣ* при современной орфографии *пазя*.

¹⁵*Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1978, с. 209.

¹⁶Твердость глагольной основы в словах *вардач*, *вардар* зависит от суффиксов со значением лица *-ач*, *-ар*.

¹⁷Български етимологичен речник, I, с. 120.

¹⁸*Тетовска-Троева М.* Отглаголни имена за лица в българските говори. Nomina agentis, БАН, София, 1988, с. 113.

¹⁹*Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели *-ѣнпъ*, *-janпъ*. – В: Этимология 1980, Наука, Москва, 1982, с. 12.

Прежде всего, П. Скок рассматривает глагольные производные от *var* ‘внимание, осторожность, осмотрительность’ (XVI в.). Корень встречается во всех славянских (за исключением восточнославянских) языках. Учитывая такое распространение, П. Скок относит *var* со знаком вопроса к праславянскому от франкского *waron* ‘aufmerken, beachten’²⁰. Употребление слов с корнем *var-*, как показано выше, в древнейших славянских письменных памятниках делает гипотезу П. Скока весьма вероятной.

Само слово *var*, известно болгарскому языку в сложении *воловар* ‘пастух, пасущий и стерегущий волов’ и в ряде производных от последнего: *воловарка*, *воловарче*, *воловарски*, *воловарица*, *воловарница*, *воловарник*, *воловарище*. Й. Заимов включил *воловар* в группу производных от *вол*, полагая, видимо, что слово образовано посредством суффикса деятеля *-ar*²¹. Та же самая ошибка допущена и в работе М. Тетовской-Троевой, несмотря на то, что сама автор отметила присоединение суффикса *-ar* к именным и глагольным основам²²; ср. *говед-ar* (< *говед-о*), *гъб-ar* (< *гъб-а*), *коз-ar* (< *коз-а*), *крав-ar* (< *крав-а*), *овч-ar* (< *овч-а*), *каруц-ar* (< *каруц-а*), *хлеб-ar* (< *хлеб*); *бръсн-ar* (< *бръсн-а*), *зид-ar* (< *зид-ам*), *ле-яр* (< *ле-я*), *пекар* (< *пек-а*), *печат-ar* (< *печат-ам*), *пъд-ar* (< *пъд-я*). Следуя логике Й. Заимова и М. Тетовской-Троевой, пришлось бы заключить, что суффикс *-ar* в болг. *воловар* присоединился не к корневой именной основе, а к основе, восходящей к форме род. мн. (*воло-*). Такое мнение, как ни странно, высказал С. Б. Бернштейн, который при этом правильно указал на то, что суффикс примыкает непосредственно к корню основы: “Примеры типа *volovar*’ь свидетельствуют, что суффикс *-ar*’ь мог следовать и после основообразующего элемента (ср. *volov-ar*’ь). Данная структура до сих пор хорошо представлена в болгарском и македонском языках (ср. *воловар*, ...). Иначе в словенском (*volár*), в сербохорватском (*volār*)”²³.

Может быть мнение С. Б. Бернштейна основано на работе Е. А. Захаревич, где сказано, что производящая основа *воло-* – результат чередования в основах на *ǫ-²⁴. Нельзя не заметить, однако, что слово *воловар* оказалось единственным примером данного “типа”, другого такого слова нет и в обратном словаре болгарского языка²⁵. Иными словами, у нас достаточно веских оснований считать это мнение ошибочным, потому что существование такой словообразовательной модели другими примерами не подтверждается. Тем не менее преодолеть данное ошибочное мнение будет наверно нелегко, поскольку большинство авторов упорно продолжает считать, что *воловар* является суффиксальным образованием с суффиксом -

²⁰ *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I-IV, Zagreb, 1971-1974; III, с. 565-566.

²¹ Български етимологичен речник, I, с. 174.

²² *Тетовска-Троева М.* Отглаголни имена..., с. 86.

²³ *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. Москва, 1974, с. 219.

²⁴ *Захаревич Е. А.* Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке. – В: Вопросы грамматики современного болгарского литературного языка. Москва, 1959, с. 133, примеч. 42.

²⁵ Обратен речник на съвременния български език. БАН, София, 1975, с. 507.

ар²⁶. С точки зрения словообразования естественной является форма *вол-ар*. Семантика этого слова в сербском и хорватском языках, покрывается с семантикой болг. *воловар*²⁷. Этим языкам известно и слово *волдвар*²⁸, которое, судя по данным словарей, менее употребительно, чем *волар*. Болг. *воловар* является сложением от *вол* и *вар* с соединительным гласным *о*, на что, кстати, указывал еще И. И. Срезневский²⁹. К тому же это не единственное сложение с первым компонентом *вол-* в болгарском языке: *воловодца* ‘период течки у коровы’, *воловодец* ‘растение’³⁰. На древность этой модели указывает и среднеболгарское воложерный ‘голодный, нуждающийся’ (*ἡ βούβρωστις*) в болгарском переводе *Хроники* Константина Манассии³¹; ср. также *вологлават* (*βουκέφαλος*)³².

Во время дискуссии на симпозиуме была высказана мысль, что *воловар* пример неоднозначный, так как *о* может быть звуком, появляющимся перед *и-основой (долгой и краткой); в качестве примеров были приведены *половна* и *боукварь* (< *bukъu-ar’b*). Сразу видно, что *боукварь* некорректный пример, так как *ъ* не перешел в *о*. Более уместно было бы назвать слово *азбоуковъннкъ*, но ни *половна*, ни *азбоуковъннкъ* имеют отношения к суффиксу *-ar’b*. К тому же в *О писменех* Черногоризца Храбра зафиксировано слово *боукварь* ‘книжник’, лишний раз свидетельствующее, что суффикс *-ar’b* присоединяется к корневой основе (именной или глагольной): (4) *аще ли въпросиши словънскыа боукваря, глѣа кто вы писмена створиша ѣсть л. 104об, список 1348 г.*³³; встречаются еще варианты: *боукварѣа* (1 раз), *боукваре*, *бѣкваре*, *бѣкварѣа* (1 раз); с XVI в. появляется и изменение падежного окончания: *словънскѣ боукварѣн* (*бѣкварѣн*, *боукварѣн*, *бѣкварѣн*); списки XVII в. дают в основном форму род. мн. в значении вин. Форма *боукварь* более поздняя, так как именно за ней закрепилось новое окончание вин. падежа. За этой формой закрепилось и предметное значение: (5) *Три книги букварей, на польскомъ языкѣ*, текст 1680 г.³⁴ Следует специально подчеркнуть, что и в *боукварь*, и в *боукварь* суффикс *-ar’b* присоединяется к корневой именной основе, в первом случае – *боук-*, во втором – *боукв-*; последнее связано с переразложением основы после утраты формы *боукы* и установления формы *боуква* в качестве исходной (то же самое относится и к болг. *тикв-ар* после утраты старой формы *тыкы*). Поэтому авторы Пражского словаря

²⁶Словообразователен речник на съвременния български книжовен език. София, 1999, с. 66; на с. 5 указано, что словарь не включает сложных слов.

²⁷Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I-XIV, САНУ, Београд, 1959-1989; II, с. 769; Речник српскохрватског књижевног језика, I-III, Матица српска, Матица хрватска, Нови Сад – Загреб, 1967-1969, IV-VI, Матица српска, Нови Сад, 1971-1976; I, с. 414.

²⁸Речник српскохрватског књижевног и народног језика, II, с. 772.

²⁹*Срезневский И. И.* Материалы..., I, с. 229; вдроватн.

³⁰Български етимологичен речник, I, с. 174.

³¹Хроника Константина Манассии в среднеболгарском переводе. София, 1988, с. 170, 276.

³²*Дювернуа А.* Словарь болгарского языка по памятникам народным и произведениям новейшей печати. I-II, Москва, 1889, I, с. 265.

³³*Кувев К.* Черногоризец Храбър. БАН, София, 1967, с. 190.

³⁴Словарь русского языка XI-XVII вв., 1-26, Москва, 1974-2002, вып. 1, с. 351.

некорректно поставили на первое место вторичную форму *boŭkvarь*³⁵. Слова *волар* и *boŭkvarь* показывают, что суффикс *-ar'ь* присоединяется только к корневой основе. В слове *воловарь*, в перед конечным сочетанием *-ar* не может принадлежать корню слова *вол*.

Высказывая мнение, что болг. *váram*, *várвам* заимствовано из сербского языка, Й. Заимов просто сослался на книгу Е. Шнеевейса, который допустил, на наш взгляд, методологическую ошибку, изучая проблему германских заимствований в сербском и хорватском языках изолированно от остальных южнославянских языков. Следуя такому подходу, вслед за Заимовым и Шнеевейсом, можно сделать допущение, что глаголы в чешском и словацком языках заимствованы из сербского и хорватского. На самом деле древний глагол *варовати* в современном болгарском перешел в разряд III спряжения (*váram*, *várвам*); ср., например, *káram* 'гнать, погонять; вынуждать', в словообразовательном гнезде которого можно встретить такие формы как *прекарувам* (*се*), *прикарувам*, *скарувам*³⁶ (формы с суффиксом *-ув-* в болгарском восходят к более древним с суффиксом *-ов-*). Короче говоря, древние глаголы *варовати*, *оуваровати* нельзя признать моравизмами.

БОЛЬ (м. р.) 'больной': (б) ѡко достонѣ болемъ приѣмающимъ просвѣщеніе и потомъ нѣдѣлѣвшимъ нздочнѣти сѧ вѣрѣ ("Οτι δεῖ τοὺς ἐν νόσῳ παραλαμβάνοντας τὸ φῶτισμα καὶ εἶτα ἀναστάντας ἐκμαθάνειν τὴν πίστιν") (НМ, 323, 14-17).

Данное слово образует самостоятельную группу в исследовании К. А. Максимовича под названием "паннонизмы". В комментариях к этому слову отмечено, что "термин" хорошо документирован древнеболгарскими памятниками, возникшими в рамках Преславской (восточноболгарской) книжной школы; слово вообще достаточно широко распространено в древних славянских рукописях³⁷. Специально подчеркнуто, что отсутствует надежная фиксация в западноболгарской (охридской) книжности, западноболгарских диалектах и македонском языке³⁸. Исходя из интерпретации О. Н. Трубачева, К. А. Максимович считает, что архаичная форма ж. р. сохранилась в южнославянских языках (болгарском, македонском, западносербских диалектах) и в русском; в западнославянских же языках произошло почти повсеместное более позднее обобщение формы м. р., которое проходило параллельно с переходом в значение 'больной'; обобщение формы м. р. произошло также в хорватском и частично в словенском (м. р. *glavobol'* 'головная боль')³⁹.

Далее следует изумительная по своему остроумию лингвогеографическая гипотеза о праславянском **bol'ь* м. р. 'больной', демонстрирующая компетентность и знания своего автора в области

³⁵ Slovník jazyka staroslověnského, 3, с. 148.

³⁶ Български етимологичен речник, II, с. 235-236.

³⁷ Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков), под ред. Э. Благовой, Р. Вечерки, Р. М. Цейтлин. Москва, 1994, с. 98-99; Старобългарски речник. София, 1999, I, с. 109-110; *Срезневский И. И.* Материалы..., I, с. 146.

³⁸ Максимович К. А. Региональные..., с. 145.

³⁹ Максимович К. А. Региональные..., с. 145-146.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

славянских языков⁴⁰. Прежде чем вкратце изложить эту гипотезу, необходимо специально отметить, что (с ссылкой на словари⁴¹) К. А. Максимович утверждает, что значение ‘больной человек’ отмечено только в двух периферийных болгарских диалектах: *банатском* (сев.-болг.) (sic!) и *странджанском* (Бургас, вост.-болг.)⁴².

Гипотеза Максимовича изобилует серией неточных и неверных утверждений: 1) **bol’ь* м. р. ‘больной’ представлено в болгарском ареале только в восточноболгарских (преславских) памятниках и только в двух периферийных диалектах – *банатском* (север) (sic!) и *бургасском* (восток); 2) производящее **bol’ь* м. р. не является общеболгарским, так как известно только в *банатском* (sic!) диалекте; 3) **bol’ь* м. р. ‘больной’ занимает в основном западнославянский ареал; 4) в болгарском языке сложилась “парадоксальная” ситуация – на диалектной периферии, консервирующей, обычно, древние формы, сохранился не архаизм **bol’ь* ж. р. ‘боль’, а сохранилась инновация **bol’ь* м. р. ‘больной’; 5) сохранение в болгарских и русских (периферийных) диалектах праславянской инновации **bol’ь* м. р. ‘больной’ лучше объяснять языковыми контактами, но не внутренним развитием: т.е. **bol’ь* м. р. ‘больной’ в болгарском могло сохраниться, если данная инновация произошла вне болгарской территории, – “в результате неких этнических перемещений новообразование **bol’ь* м. р. ‘больной’ попало на север и восток Болгарии”⁴³.

Затем К. А. Максимович протянул условную линию между бургасской и банатской областями, продолжил ее на Запад и через территорию Восточной Сербии довел ее до территории Паннонии (населенной славянами в VIII-IX вв.). В результате “термин” **bol’ь* м. р. ‘больной’ лег на условной линии, соединяющей Паннонию и Восточную Болгарию.

Продолжать дальше нет смысла. В заключение сказано, что “термин *боль* в значении ‘больной’ нельзя считать болгаризмом (*имеется в виду древнерусская письменная традиция*, – Р.С.), хотя он и встречается в периферийных болгарских диалектах”; “термин” – определен как “паннонизм”⁴⁴.

Прежде всего уточним некоторые детали. В указанной гипотезе несколько раз сделан упор на сохранение **bol’ь* ‘больной’ в *банатском* диалекте с ссылкой на словари. Оба цитированных словаря, однако, указывают на город Банско⁴⁵. Банско – зимний курортный город, расположенный в юго-западной Болгарии (точнее, в Пиринской Македонии) и входит в совсем

⁴⁰ Максимович К. А. Региональные..., с. 146-148.

⁴¹ Български етимологичен речник. I, с. 64; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-32. Москва, 1974–2005, 2, с. 191-192.

⁴² Максимович К. А. Региональные..., с. 144-145.

⁴³ Максимович К. А. Региональные..., с. 146-147.

⁴⁴ Максимович К. А. Региональные..., с. 148.

⁴⁵ См. также: Добрев И. Старинни народни думи. София, 1987, с. 70 (= Библиотека “Родна реч омайна”, кн. 27); Мъжлекова М. Речник на старобългарски думи в днешните български говори. София, 1990, с. 35.

другую диалектную зону болгарской языковой территории, а именно, – в юго-западную. Уже один этот факт со всей очевидностью рушит карточное построение К. А. Максимовича. Неверно утверждение 1), что боль ‘больной’ отмечено только в преславских древнеболгарских памятниках, так как Синайский евхологий (где слово фиксировано 8 раз против двух употреблений в Супрасльской рукописи) не входит в группу восточноболгарских рукописей: авторы, работавшие над преславской редакцией богослужебных книг, не включают его в эту группу⁴⁶. Неверно также утверждение 2), что **bol’* не является общеполгарским: ср. *болъ* и *болъ* м. ‘больной, больная’, ‘боль’⁴⁷, которое встречается и в творчестве отдельных болгарских авторов конца XIX – начала XX в.⁴⁸; ср. также такие сложные слова, как *главобол* м. р. ‘головная боль’, *гърлобол* м. р. ‘боль в горле’, *зъбобол* м. р. ‘зубная боль’, *очебол* м. р. ‘глазная боль’, *сърцебол* м. р. ‘боль в сердце’; диал. *ръкобол* м. р. ‘сверхурочное жалованье’⁴⁹.

Вернемся к О. Н. Трубачеву, чью гипотезу К. А. Максимович несколько искажил: “Первонач. функция суц-ного **bol’* – имя действия; функция названия лица, персонификация (‘боль’ → ‘больной человек’) вторична, и ее появлению сопутствовал, видимо, переход из категории ж. р. в м. р. Наиболее первоначально поэтому состояние, представленное в ю.-слав. (ср. выше болгар. диал. примеры⁵⁰). Более позднее состояние наблюдается в зап.-слав., где почти повсеместно обобщен м. р.; исключения – чеш. диал. и сербо-луж. формы ж. р. В свете изложенного вполне возможно, что преобладание форм м. р. в укр. и блр. – результат зап.-слав. (польск.) влияния”⁵¹.

Видно, что переход из категории ж. р. в м. р. начался в южнославянских языках в праславянскую эпоху, что в какой-то степени имеет отношение к таким словам, как *приязнь* м. р. ‘друг’ и *неприязнь* ‘недруг, враг; дьявол’⁵². Более того, обобщение формы м. р. почти завершено в болгарском языке, о чем свидетельствуют приведенные выше данные; от более древней формы ж. р. **bol’* появилось суффиксальное образование тоже ж. р. *болка* ‘боль’. О каких бы то ни было этнических перемещениях, приведших к “сохранению” слова **bol’* м. р. в болгарском языке, и речи быть не может. Боль ‘больной’ в НМ не может быть “паннонизмом”, его присутствие в древнерусских рукописях указывает на прямую связь именно с

⁴⁶ *Славова Т.* Преславската редакция на старобългарските богослужебни книги. – В: Изследвания по Кирилometодиевистика, Наука и изкуство, София, 1985, с. 161-173.

⁴⁷ *Геров Н.* Речник на българския език, I, с. 62.

⁴⁸ *Мъжлекова М.* Речник..., с. 35.

⁴⁹ Български етимологичен речник, I, с. 64.

⁵⁰ Среди которых есть и формы ж. р. **bol’* ‘боль’, отмеченные как “македонские” в словаре.

⁵¹ Этимологический словарь славянских языков, 2, с. 192.

⁵² *Станков Р.* Еще раз о неприязни. В указанной работе (с. 77) были высказаны сомнения относительно персонификации значения ‘друг’ у слова *приязнь*. Такая персонификация могла иметь место, но она должна быть очень древней ввиду отсутствия следов перехода из категории ж. р. в м. р. (**prijazn’* ж. ‘приязнь’ → **prijazn’* м. ‘приязнь’ → ‘друг’), как у слова **bol’*.

древнеболгарской, а не с какой-нибудь иной письменной традицией (см. хотя бы тексты в Словаре И. И. Срезневского⁵³).

В Словаре И. И. Срезневского есть такой пример из Псалтири XIV в.: (7) Въ болахъ нашнхъ не оставн насъ. К. А. Максимович правильно заметил, что въ болахъ предполагает исходную форму ж. р. бола 'боль', но в то же время, с ссылкой на другие работы по истории русского языка⁵⁴, не исключает и форму ж. (м.) р. боль ввиду перехода именных основ в *а-склонение в русских памятниках со второй половины XIII в.⁵⁵. Речь идет об унификации флексий в дат., местн. и твор. падежах по *а-склонению. Примеры А. И. Соболевского⁵⁶ в том же направлении, но автор приводит слова *о-, *jo-склонения; это относится и к другим работам по истории русского языка, цитированным К. А. Максимовичем. Слово боль ж. или м. р., однако, слово *i-склонения, а судьба слов этого склонения в русском и болгарском не совпадает. Как указывает Г. А. Хабургаев, слова ж. р. типа *кость*, *крепость* не принимали участия в процессе унификации флексий дат. и местн. падежей вплоть до нового времени; до XVII в., по существу, такие слова не зафиксированы с -ям и -ях в дат. и местн.; к тому же в современных периферийных русских говорах (запад и юго-запад от Москвы) продолжают удерживаться окончания -ём, -ѣх, отражающие древние окончания *i-основ: -ьмь > -ем > -[ʼo]м, -ьхъ > -ѣх > -[ʼo]х⁵⁷. Об этом писали и В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, на чью работу сослался К. А. Максимович: "В говорах (в частности южно-великорусских, именно – на западе их, а также в некоторых белорусских и украинских) представлены формы дат. и местн. (предл.) п. с окончанием -ом, -ох, восходящие к формам старого склонения с основой на -i (o < e < ь перед твердыми согласными в сильном положении), например: *лошадѣм*, *гостѣм*, *костѣм*; на *лошадѣх*, в *гостѣх*, в *санѣх*"⁵⁸.

В болгарском языке слова ж. р. *i-основ изменили свои окончания им. падежа под влиянием *а-основ: некоторые посредством суффикса -ьк-а (мышь – *мишка*, боль – *болка*, вѣшь – *вѣшка*); в некоторых юго-западных говорах древнее окончание перешло в -а: *пѣсна* (пѣснь), *мисла* (мысль)⁵⁹, *бол'а*, *боль* (боль)⁶⁰. К. Мирчев приводит форму *хытростамн* из Копитаровской триоди⁶¹. В свете сказанного въ болахъ в (7) отражает болгарскую форму ж. р. бола.

⁵³ Срезневский И. И. Материалы..., I, с. 146.

⁵⁴ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. изд. 4, Москва, 1907, с. 222 (репринт: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Языки славянской культуры, Москва, 2004); Борковский В. И., П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1963, с. 196; Иорданиди С. И., В. Б. Крысько. Множественное число именного склонения. – В: Историческая грамматика древнерусского языка, I, Москва, 2000, с. 244.

⁵⁵ Максимович К. А. Региональные..., с. 148.

⁵⁶ К. А. Максимович указывает на «Очерки по истории русского языка» А. И. Соболевского (1884), на самом деле – ссылка на "Лекции по истории русского языка".

⁵⁷ Горикова К. В., Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1981, с. 194-195; см. также с. 198 о твор. падеже.

⁵⁸ Борковский В. И., П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка..., с. 197.

⁵⁹ Иванова-Мирчева Д., И. Харалампиев. История на българския език. В. Търново, 1999, с. 100; Харалампиев И. Историческа граматика на българския език. В. Търново, 2001, с. 98.

⁶⁰ Этимологический словарь славянских языков. 2, с. 192; Мъжлєкова М. Речник..., с. 35.

ВЪЗДЪШЕННІЕ: (8) о сѣгрѣшающнхъ въ разлнчнхъ грѣсѣхъ н претърпаще въ млтвѣ исповѣданнн н покааннн н въздъшеннн⁶² отъ злѣ свѣршено твордще по сѣгрѣшеннн времеѣ покаанннн (Περὶ τοῦ τοὺς ἑξαμαρτάνοντας ἐν διαφοροῖς πταισμάσι, καὶ προσκαρτεροῦντας τῇ προσευχῇ τῆς ἐξομολογήσεως καὶ μετανοίας, καὶ τὴν ἀποστροφὴν τῶν κακῶν τελείαν ποιουμένων) (НМ, 331, 2-6).

Данное слово является гапаксом, встречающееся во втором правиле Лаодикийского собора, которое гласит: “Впадающих в различные согрешения, и пребывающих в молитве, исповедании и покаянии, и от злых дел совершенно обращающихся, после того как по мере согрешения дано им время покаяния ради милосердия и благодати Божией, вводите в общение”. Й. Вашица пытался связать его с чеш. *zdešeníje* exřigemen ‘искупление, избавление’⁶³. К. А. Максимович высказался за локальный мораво-паннонский окказионализм. и определил значение слова как ‘отвращение’ в соответствии с греч. ἀποστροφή⁶⁴, что сомнительно, поскольку греч. слово по своей структуре и семантике не покрывается с въздъшеннн. М. Цибранска, сравнивая девербатив с мотивирующим глаголом въздъхнѣти ‘вдохнуть’ (в переносном смысле ‘освободиться от чего-нибудь’), толкует въздъшеннн в смысле ‘уклонение, отказ (от зла)’⁶⁵. Автор считает, что в данном случае речь идет о персональном переводческом решении Мефодия. Необходимо все же отметить, что слово образовано с префиксом въз- (в чешском – vz-, vze-, z-). Слово *zdešeníje*, на которое указывает Й. Вашица, судя по его семантике, могло восходить и к словообразовательной модели с iz- (в чешском довольно часто z-; при этом z- в чешском переплетается и с префиксом sь-)⁶⁶. Ввиду недостатка данных высказывать определенное мнение о въздъшеннн затруднительно. Толкование М. Цибранской приемлемо, но не удовлетворяет полностью, так как не покрывается в смысловом отношении с греческим текстом; в этом плане является ли слово въздъшеннн переводческим решением Мефодия остается в сфере догадок. В конце концов речь может идти и о простой порче текста; на эту мысль наводит чтение о въздъшеннн в Устюжской кормчей, напоминающее заголовок.

НСТННА: (9) аще которын канрнкъ ан людннъ от стѣна цркви въземлет ан свѣщю, ан масло, да отлоучнтъ н патернцю да възвратнтъ съ нстнною (Εἴ τις κληρικὸς ἢ λαϊκὸς ἀπὸ τῆς ἀγίας ἐκκλησίας ἀφέληται κηρὸν ἢ ἔλαιον, ἀφορίζεσθω, καὶ τὸ ἐπίπεμπτον προστιθέτω, μεθ’ οὗ ἔλαβεν) (НМ, 349, 19 – 350, 4). Слово читается в 72 правиле святых апостолов, которое гласит: “Аще кто из причта, или мирянин, из святыя церкви похитит воск, или елей: да

⁶¹ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978, с. 171.

⁶² Согрехимус е согурто о въздъшеннн U, н въздъшеннн J; примеч. Й. Вашицы; U – Устюжская кормчая; J – Иоасафовская кормчая.

⁶³ Vařica J. Notosapon..., с. 224, примеч. 72.

⁶⁴ Максимович К. А. Региональные..., с. 149.

⁶⁵ Цибранска-Костова М. Формиране и развитие..., с. 50-51.

⁶⁶ Ляпунов Б. Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка из-. – В: Slavia (VII), 1929, № 4, с. 754-765.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

будет отлучен от общения церковного, и пятерицею да приложит к тому, что взял”.

В этом правиле упоминается особо о присвоении воска и елей кем-либо из церкви. Еще во времена Апостолов воск и елей употреблялись для освещения мест, в которых совершалось богослужение (Деян. 20:7, 8). Воск и елей приносились как дар церкви, при этом они становились не только ее собственностью, но и священным предметом уже потому, что были принесены в церковь. Совершивший кражу, строго наказывается отлучением от церковного общения, причем обязан вернуть присвоенное в пятикратном размере.

Й. Вашица толкует *нстнна* в специальном юридическом значении ‘вещь, удостоверяющая истинность чего-либо – предмет спора; *corpus delicti*’⁶⁷. Впоследствии, как считает К. А. Максимович, в чешском языке развилось значение ‘первоначальный капитал, сумма без учета процентов’⁶⁸. На основании этого К. А. Максимович заключает, что серб. и хорв. *истина*, польск. *iścizna* ‘капитал, деньги’ и др.-рус. и ст.-рус. *нстнна* с близкими значениями заимствованы из чешского языка⁶⁹. Заметим, что среди древнерусских текстов, в которых встречается *нстнна* в подобном значении, оказался и Лобковский пролог XIII в.⁷⁰ Это не единственный текст, где встречается это слово. П. Олтяну приводит пример, идентичный примеру в НМ из рукописи № 661 Библиотеки Румынской Академии: (10) аще кто възмет отъ цркве свѣщѣннѣ нно что, да отлѣчунт сѧ отъ црквн н паторнцѣѧ да отвратнтъ сѧ нстннѧ л. 318⁷¹. М. Цибранска приводит еще два примера из сербских рукописях. Первый из них указан еще В. Ягичем: (11) петорницею да платнтъ сѧ нстнною. Второй – из Требника XV в. (№ 962 НБКМ⁷²): (12) да отлѣчунт се н вторницею да възвратнтъ сѧ нстнною⁷³.

В подобном значении (‘основной капитал’) слово известно и в словенском языке⁷⁴. Широкое распространение “денежного” значения слова *jьstina в славянском языковом ареале ставит под сомнение влияние чешского языка. К тому же есть сомнения, можно ли толковать *нстнна* в (9), (10), (11), (12) в том плане, в котором это делает Й. Вашица, а вслед за ним и К. А. Максимович, определивший значение слова как ‘(спорное) имущество’⁷⁵.

Толкование Вашицы и Максимовича указывает на денотат, оно не является чисто языковой семантизацией. Можно привести мысли В. О.

⁶⁷ *Vašica J.* Nomocanon..., с. 225-226 и примеч. 76; *Максимович К. А.* Региональные..., с. 149.

⁶⁸ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 149 – с ссылкой на: *Kott F. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický. I-VII, Simaček, Praha, 1878-1893; VI, с. 527.

⁶⁹ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 149-150.

⁷⁰ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). I-VI, Москва, 1988-2002; IV, 172.

⁷¹ *Олтяну П.* Роль старых славянских и среднеболгарских Номоканонов в развитии славяно-румынской юридической литературы. – *Palaeobulgarica/Старобългаристика* (XV), 1991, № 3, с. 24.

⁷² Народна библиотека “Св. Св. Кирил и Методий”, София.

⁷³ *Цибранска-Костова М.* Формиране и развитие..., с. 104-105.

⁷⁴ Этимологический словарь славянских языков. 8, с. 242.

⁷⁵ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 149.

Ключевского по поводу происхождения слова *истец*: «Тяжущиеся носили название *истцов*; истцы – это обе стороны, между которыми идет тяжба. Это слово, всего вероятнее надо производить не от “искать”, а от древнерусского “исто”. “Исто” – любопытное слово в истории нашего языка; я не умею объяснить этимологически происхождение значения этого слова, с каким оно является, например, в Святославовом сборнике XI в.: “исто” – во множ. “истеса” – почки, а также *testicula*, потом “исто” – капитал, позже – истина; отсюда истовой, или истинный – настоящий, коренной капитал; “да увемы истоваго бога” – в Святославовом сборнике 1073 г.; “Дух истинный” (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας) – “Дух истовый”. Итак, “исто” – капитал, истец – владелец капитала, а потом – человек имеющий притязание на известный капитал, следовательно, как тот, кто отстаивает капитал, подвергшийся спору со стороны, так и тот, кто ищет этого капитала; отсюда выражение “обои истцы”»⁷⁶. В. О. Ключевский правильно уловил родственную связь между *истец* и *истый*⁷⁷. Свою идею развития предметного значения **jьstina* предлагает Т. И. Вендина: “Истина понималась средневековым человеком как подлинная настоящая суть вещей. Это, по-видимому, и создало предпосылки для развития у нас значений, относящихся к сугубо практической, экономической сфере жизнедеятельности человека (истinna ‘основной капитал, подлинное имущество’..., ‘подлинное, действительное количество товара денег’// ‘стоимость чего-либо’...)”⁷⁸.

С этим все-таки трудно согласиться. Наиболее удачной этимологией **jьstьjь* признана этимология В. Н. Топорова, слово означает ‘тот самый, именно тот’, от него образовано **jьstina*⁷⁹. Исходя из этимологии, истinna в (9), (10), (11), (12) можно толковать в смысле ‘то (же) самое’ (ср. греч. μεθ’ οὗ ἔλαβεν ‘с тем, что взял’), т.е. провинившийся должен заплатить за нанесенный ущерб стоимость украденного, но в пятикратном размере (таков смысл самого 72 правила святых апостолов). Языковое значение слова здесь, как и в остальных случаях, связано с операцией отождествления. Отождествление присутствует и в том случае, когда речь идет о спорном предмете, имуществе; с этим связано и то, что обе стороны в судебном разбирательстве называются *истцами*. Поэтому, в противовес В. О. Ключевскому, *истец* это прежде всего человек, притязающий на что-нибудь, а затем уж владелец чего-нибудь. Появление “денежного” значения не имеет ничего общего с деньгами, поскольку до появления денег в собственном смысле их функцию исполняли разные другие предметы. В контексте сказанного привлекает внимание значение ‘стоимость чего-либо’, которое можно выразить по-другому: ‘соответствие одного товара другому товару’ или ‘денежное соответствие товару’, что опять восходит к операции отождествления, отраженной в исходном значении мотивирующего **jьstьjь*

⁷⁶ Ключевский В. О. История России. Специальные курсы. Москва, 2003, с. 205-206.

⁷⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. II, 142, с. 144.

⁷⁸ Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепт Истина). – В: Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. Москва, 2006, с. 56.

⁷⁹ Этимологический словарь славянских языков. 8, с. 242, 246.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

‘тот (же) самый, именно тот’ и мотивированного *jьstina ‘то (же) самое, именно то’. Основное современное значение *jьstina (‘то, что существует в действительности, отражает действительность’) снова нельзя оторвать от того, что познавательные процессы являются результатом все той же операции отождествления ($A \equiv A$). Таким образом выясняется, что скорее всего “абстрактное” и “предметные” значения *jьstina развивались параллельно. В рассматриваемых контекстах (9, 10, 11, 12) предметность в значении истинна, на которой настаивают другие авторы, может присутствовать лишь синкретически⁸⁰. Нет оснований, считать данное словоупотребление моравизмом.

НАГЛЪСТВО: (13) ѿко не достонть еѿспоу страс(ть)ю нагльства дѣнжнмоу въскорѣ отлоуѣати (сѧ) раздражающнхъ лн бнти кого вѣрна съгрѣшыша (Περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἐπίσκοπον ὑπὸ πάθους ὀξύχολίας κινούμενον ἐτοιμῶς ἀφορίζειν τοὺς παροξύνοντας ἢ τύπτειν τινὰ τῶν πιστῶν ἀμαρτήσαντα) (НМ 250, 19); (14) (ѧ)ко не достонть еѿспоу нагль(ства) (Περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἐπίσκοπον ὑπὸ πάθους ὀξύχολίας...) (НМ 282, 20-22).

И. Вашица считает слово моравизмом, М. Цибранска как будто не возражает против этого⁸¹. К. А. Максимович утверждает, что по данным словарей “термин” нагльство “является гапаксом славянской книжности” и вместе с этим – “севернославянским” словом⁸².

Во-первых, неясно, почему слово является гапаксом, когда и сам Максимович указал (кроме НМ) на Слова Григория Богослова XIV в. и старопечатный Пролог 1643 г. Во-вторых, неясно, почему слово должно быть отнесено к “севернославянскому” ареалу, если оно встречается в НМ, Словах Григория Богослова и Прологе, т.е. – в текстах, которые никоим образом не могли возникнуть в Древней Руси. В третьих, в семантику слова необходимо внести небольшое уточнение (Максимович определил значение как ‘гнев, гневливость’; последнее указывает на склонность к проявлению действия). Нагльство – производное от *naglъjъ ‘неожиданный, опрометчивый’⁸³, имеющего продолжения во всех славянских языках; в семантике *naglъjъ преобладает идея поспешности, быстроты, резкости⁸⁴. Эта идея присутствует и в греч. ὀξύχολία ‘вспыльчивость’ (ср. еще ὀξύχειρία ‘быстрота руки’, ὀξύλαβέω ‘быстро хватать’, ὀξύλαβής ‘тот, кто быстро хватает’, ὀξύμάθεια ‘быстрота при учении’, ὀξύμαθής ‘тот, кто быстро учится, усваивает знания’ и др.). Поэтому, исходя из *naglъjъ ‘неожиданный, опрометчивый’, более уместно определить значение нагльство как ‘вспыльчивость’, так как в этом определении присутствует и идея быстроты, поспешности, резкости, а еще более точное определение – ‘вспышка гнева’, так как в слове *вспыльчивость* тоже присутствует идея склонности к проявлению действия. Приведем и

⁸⁰О семантическом синкретизме в языке см. работы Трубачева О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. – В: Принципы и методы семантических исследований. Москва, с. 147-179; Реконструкция слов и их значений. – Вопросы языкознания, 1980, № 3, с. 3-14.

⁸¹Цибранска-Костова М. Формиране и развити..., с. 54.

⁸²Максимович К. А. Региональные..., с. 150.

⁸³Этимологический словарь славянских языков, с. 22, 38.

⁸⁴Этимологический словарь славянских языков, с. 22, 33-37.

остальные контексты: **(15)** бонть (!) же... наоумъ елексенскын... ревнителя бѣ. н ѿмщающа съ гнростью протнвныа. н толнцѣмь сдѣавша. нагзльства множествомъ яко нн второму остатн на злы мщенью (*ἀποτομίας*) 116а⁸⁵; **(16)** Н во время уво утѣшеннѣ блгость показовати, во время же нагзльства ревность являти⁸⁶. Для **(15)** дано определение ‘строгость, суровость’, видимо, на основе греч. *ἀποτομία* ‘строгость, суровость’, а для **(16)** – ‘вспыльчивость, гнев’.

В общем не видно никаких оснований зачислять данное слово как в “моравизмы”, так и в “севернославянизмы”. В подтверждение можно привести нагло ‘стремительно’, ‘опрометчиво’, наглодоушьнъ ‘опрометчивый’, нагзъ ‘опрометчивый’ из других памятников (*Паримейники*, *Слепченский апостол*)⁸⁷.

Следующий пример связан с реконструкцией текста: **(17)** аще лн въ кое время обращють сѧ ажюще. не достонть же нн въ еднну прю прннматн послухъ нже боудуть къгда вбланченн ажюще н престоупающе законъ бнн, нлн жнтне скотьское нмоуще. нлн нже w себѣ непобѣдн на прнсагъ ѿнмоутъ (Закон судный людем⁸⁸, гл. 7а, далее ЗСЛ).

Во всех списках краткой редакции ЗСЛ читается непобѣдннн или непобѣдннн, включительно и в Устюжской кормчей, чей список лег в основу издания Й. Вашицы. К. А. Максимович восстанавливает данное чтение по Пушкинскому списку полной редакции ЗСЛ⁸⁹ в виде 0 СЕБЕ НЕБЪДНМН (с толкованием ‘невменяемый’). Для большей ясности приведем контекст и по спискам полной редакции ЗСЛ. Пушкинский список XIV в.: **(18)** 0 том же Не достонть⁹⁰ потомъ. нн въ еднну прю. тѣхъ слухъ прннматн. нже когда обанцають сѧ ажюще. прнступающе законъ бнн нлн жнтые нмѣюще скотьско. нлн же w себѣ не бдннн. на прю ѿ емлюще сѧ л. 25об-26⁹⁰. Археографический список XV в.: **(19)** аще кога въ кое время вбланчють сѧ л’жюще. Аще боудуть бѣ. послуха. нлн боудеть на еднномъ нзмѣна какова, то н дрѣгын не послухъ, яко вба л’жюще престоупающе законъ бжнн. нлн зажитне (вар. жнтые) нмѣюще скотьское. нлн нже w себѣ невѣднмѣ (вар. невндѣмѣ) нашую ѿемлют сѧ л. 292об-293⁹¹. Карамзинский список летописного извода сводной редакции конца XV в.: **(20)** аще лн в кое время вбращють сѧ лжюще. Не достонть же потомъ нн въ еднну прю тѣхъ послухоуъ прннматн. нже боудуть. когда вбланченн ажюще. н престоупающе законъ бннн. нлн зажитне нмѣюще, недоволиннн же w себѣ. невѣдннн (вар. невндннн) нашую на прю ѿемлют сѧ Аще боудуть два послѣха. нлн боудеть на еднномъ нзмѣна. то н дрѣгын не послухъ яко вба ажюще. нлн жнтне скотьско нмоуще. нлн же w себѣ непобѣдннн на прнсагъ ѿнмоут сѧ л. 160-160б⁹².

⁸⁵Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). V, с. 134.

⁸⁶Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 10, с. 49.

⁸⁷Slovník jazyka staroslověnského. 19, с. 285.

⁸⁸Закон Судный людем. Краткой редакции. подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, АН СССР, Москва, 1961, с. 49; цитата по Устюжской кормчей. К. А. Максимович цитирует ЗСЛ по изданию: *Vašica J. Zákonъ sudnyj ljudьmъ=Soudní zákoník pro lid. – In: Magna Moraviae. Fontes Historici*, D. 4, Brno, 1971, с. 147-198.

⁸⁹Максимович К. А. Региональные..., с. 150-151.

⁹⁰Закон Судный людем. Пространной и сводной редакции. Подг. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, АН СССР, Москва, 1961, с. 35, снимок рукописи на с. 182-183.

⁹¹Закон судный людем. Пространной редакции, с. 60, снимок рукописи на с. 219-220.

⁹²Закон судный людем. Пространной редакции, с. 90, снимок рукописи на с. 250-251.

Троицкий IV список Троицкого извода сводной редакции начала XV в.: (21) аще ан в кое время вбращють са ажоще. не достои же потомъ нн въ едннѡу прю тѣхъ послуухѡ прннматн нже боудѡу когда вблнченн ажоще. н престоупающе закѡ бнн. ннн за жнтне нмѣюще недоволенн нже въ себѣ невнднмн нашу на прю ѡемлю са. Аще боудѡу два послууха. ннн боудѣт на едннѡ нзмѣна то н другнн не послуѡ. нко вба ажоще. ннн жнтне скотско нмоуще. ннн же въ себѣ непобѣднмн на прнсѡ ѡнмѡ са л. 7-7об⁹³.

Данное словосочетание читается в главе 7а, чье возведение к архетипу ЗСЛ является спорным. Об этом писал и сам К. А. Максимович: “Так, гл. 7а Ѡ послуухѣхъ не имеет соответствия в *Эклоге*, но возвращается к вопросу о свидетелях, который уже был затронут в гл. 2. Возможно, интерполирована в текст после создания основной части ЗСЛ”⁹⁴.

Кроме того, оригинал 2 и 7а глав не обнаружен – “возможно, их автором был сам составитель ЗСЛ, либо они были интерполированы позднейшим редактором”⁹⁵. Об отношении между краткой и пространной редакцией ЗСЛ М. Н. Тихомиров писал: “... сравнение текстов Закона Судного людем в краткой и пространной редакциях неизбежно приводит к мысли о зависимости пространной редакции Закона от краткой. На это в свое время указывал Н. С. Суворов, по мнению которого, пространная редакция Закона Судного людем является русским произведением, основанным на извлечении и переработке статей, взятых из различных источников”⁹⁶.

Восстановить первоначальное чтение не просто. Переведем текст по Устюжской кормчей, обозначая спорное место многоточием: “Если когда-нибудь будут пойманы лгущими (букв. “будут обнаружены лгущими”). Не следует ни в едином споре принимать свидетелей, которые когда-то были избличены лгущими и преступающими закон Божий, или же имеющими скотский образ жизни, или же сами по себе..., к присяге не допускаются”. К. А. Максимович предлагает толкование ‘невменяемый’, но такое понимание не подходит по смыслу: речь идет о свидетелях, которые были когда-то избличены во лжи. Более подходящими кажутся варианты, в которых чередуются корни вѣд- и внд-, позволяющие приблизительно понимать текст в том смысле, что данные свидетели ничего не знают и ничего не видели (ср. свѣдѣтель ‘свидетель, очевидец’ (букв. ‘тот, кто знает что-н. совместно с кем-н.’ от которого путем переосмысления возникло современное *свидетель*). При этом, однако, форма страд. прич. наст. выглядит довольно странно. Остановливая свое внимание на чтениях не бднмн или непобѣднмн, последних следует признать испорченными.

⁹³Закон судный людем. Пространной редакции, с. 123.

⁹⁴ **Максимович К. А.** *Законъ Соудный Людмъ*: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. Древлехранилище, Москва, 2004, с. 27 (с ссылкой на: **Андреев М.** Является ли “Законъ соудный людмъ” древнеболгарским юридическим памятником? – В: Славянский архив. Вып. 2, Москва, 1959, 5, примеч. 4); см. также: **Максимович К. А.** Региональные..., с. 151.

⁹⁵ **Максимович К. А.** *Законъ Соудный Людмъ*..., с. 27.

⁹⁶ **Тихомиров М. Н.** Пространные списки Закона Судного Людем. – В: Закон Судный людем. Пространной и сводной редакции, с. 13.

Наиболее подходящим по смыслу является глагол бѣдѣти ‘принуждать’: не бѣдѣмн ‘не принуждаемые (к клятве)’. Праслав. *běditi – деноминативное производное от **běda*⁹⁷. О семантике *běda О. Н. Трубочев писал: “Знач. ‘принуждать’ легло, с другой стороны, в основу перечисленных выше и.-е. имен, обозначавших клятву, присягу (т.е. ‘клятва-принуждение’), а затем – союз, договорное объединение”⁹⁸.

В плане предложенной реконструкции небезынтересно указать на болг. глагол *бедя* (от бѣдѣти) ‘клеветать, возводить на кого-н. напраслину; обвинять’. В таком случае № БѣДНМН следует понимать как ‘не обвиняемые’. Заполняя лакуну, получается такой вариант чтения текста: “сами по себе не обвиняемые, [они] к присяге не допускаются”. Предложенная реконструкция дает возможность объяснить остальные чтения: а) замена б на в (нѣвѣдѣмн), затем – нѣвндѣмн; б) переосмысление – непобѣдѣмн; в) опущение ъ – бдѣмн. Мнение К. А. Максимовича, что правильной формой является чтение бдѣмн, неубедительно, потому что основным значением глагола бѣдѣти было и остается ‘бодрствовать, бдеть’. В любом случае (независимо от того верна ли предложенная реконструкция) непонятно, на каком основании данное словосочетание включено в группу “моравизмов”; кстати, в самом исследовании по этому поводу К. А. Максимович ничего определенного не сказал.

ПРНСНОУБЛѢТИ ‘приманивать’: (22) ПРНСНОУБЛѢНА ЮЖЕГО РАБА Н КЪЗНА ЕГО Н НЕ НАВѢ ТВОРА. ПОВННЕНЪ КЕСТЬ ТОГО СВОЕГО ГНОУ. ПРНСТРОИТИ ДРУГАГО ТАКОВАГО РАБА. ДАТИ ЦѢНОУ ЕГО (ЗСЛ, гл. 30)⁹⁹; в Варсонофьевском списке – прнсноблѣна¹⁰⁰; в греч. ὑποθητεύω¹⁰¹.

Данное слово включено в группу “моравизмов” на основании того, что производящее *снубити* ‘сводничать, сватать’ надежно засвидетельствовано в западнославянских языках; вместе с этим приведены и болг. диал. (Родопы) производные *девеснопове*, *девоснопове* ‘сваты’, *снобник* ‘сват’¹⁰². Присоединим к ним еще *девосноб*, *девоснобник*, *девоснобница*¹⁰³, *снобя* ‘посредничать, сватать’, *снобник* ‘посредник, сват’, *снобница* ‘посредница, сваха’¹⁰⁴. К. А. Максимович, однако, не указал на то, что производящее *сноубѣти* ‘сводничать’ надежно засвидетельствовано в *Изборнике* царя Симеона и *Житии Андрея Юродивого*, т.е. – в памятниках, связанных с древней болгарской книжностью: (23) нже блудѣннца снѣбать 78в 10-11¹⁰⁵;

⁹⁷Этимологический словарь славянских языков. 2, с. 56-57.

⁹⁸Этимологический словарь славянских языков. 2, с. 55.

⁹⁹Закон Судный людем. Краткой редакции, с. 39, Новгород. список; в Устюжском – то же (с. 53).

¹⁰⁰Закон Судный людем. Краткой редакции, с. 45.

¹⁰¹Максимович К. А. Региональные..., с. 151.

¹⁰²Максимович К. А. Региональные..., с. 151.

¹⁰³Български етимологичен речник. I, с. 330, *дева*.

¹⁰⁴Гергов Н. Речник на българския език. V, с. 214.

¹⁰⁵Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), Т. I, Изследвания и текст. София, 1991, с. 352.

ἀγοράζοντες¹⁰⁶; (24) нже снубать на блудъ 3313 (τοὺς προξενητὰς τῆς πορνείας)¹⁰⁷.

Попытки А. М. Молдована доказать древнерусское происхождение перевода *Жития Андрея Юродивого* следует признать несостоятельными¹⁰⁸. Это доказывается и данным словом, которого нет, например, в Словаре В. И. Даля¹⁰⁹. М. Фасмер приводит только русско-церковнославянские лексемы¹¹⁰. На базе данного слова можно высказать предположение, что перевод *Жития Андрея Юродивого* был сделан в Моравии, а *Изборник* царя Симеона был составлен в Моравии. Заметим, что у праслав. *snubiti наблюдается вторичная назализация¹¹¹, засвидетельствованная в *Изборнике* царя Симеона (23). И это слово также нельзя включить в группу “моравизмов”.

На этом материал, представленный в работе К. А. Максимовича, исчерпан¹¹². Далее в восьми пунктах сформулированы выводы. Рассмотрим их вкратце.

1) На основании своего анализа К. А. Максимович считает, что подтвердилось мнение А. И. Соболевского и Й. Вашицы о западнославянском происхождении ЗСЛ, НМ и Анонимной гомилии. Наш анализ показывает, что аргументы в пользу такого вывода неубедительны и западнославянское происхождение означенных текстов нельзя считать доказанным.

2) Второй пункт процитируем полностью, так как он имеет прямое отношение к проблематике, над которой и автор этих строк работал немало: “Методология локализации славянских переводов на основе лексических (лексико-семантических) критериев, разработанная для древнерусских переводов XI-XIII вв. (А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Н. А. Мещерский, А. М. Молдован, А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе), доказала свою эффективность и применительно к мораво-паннонским переводам IX в.”¹¹³

Несостоятельность методологии данных авторов комментирована нами не раз¹¹⁴, несостоятельность очевидна и при анализе лексического

¹⁰⁶ *Срезневский И. И.* Материалы..., III, с. 454.

¹⁰⁷ *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. Азбуковник, Москва, 2000, с. 316, 546.

¹⁰⁸ См.: *Станков Р.* Время и место древнейших славянских переводов (На материале славянского перевода *Жития Андрея Юродивого*). София, 2002.

¹⁰⁹ *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. I-IV. Москва, 1978-1980.

¹¹⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. I-IV. Москва, 1986-1987, III, с. 701.

¹¹¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. III, с. 701.

¹¹² В одной из последних своих работ К. А. Максимович (К изучению региональных архаизмов старославянского языка: союз тоан. – Русский язык в научном освещении, 2006, № 1 (11), с. 246-256) попытался к “моравизмам” добавить и союз тоан; главным доказательством моравского происхождения союза является обстоятельство его нахождения в “западнославянских” памятниках.

¹¹³ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 151.

¹¹⁴ *Станков Р.* Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции (На материале восточнославянских списков Исторической Палеи). – *Palaeobulgaria/Старобългаристика* XIII, № 4, с. 91-99; *Станков Р.* Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина. – *Palaeobulgaria/Старобългаристика*, XVIII, № 1, с. 74-88; *Станков Р.* Время и место древнейших славянских переводов (На материале

материала, относимого к “моравизмам”. Тем не менее недавно наш анализ и наши выводы¹¹⁵ подверглись довольно странной критике со стороны Й. Райнхарта¹¹⁶.

Странность заключается в том, что Райнхарт просто-напросто процитировал имена всех тех авторов, чьи методы и выводы не раз подвергались анализу и критике в наших исследованиях, как будто “ошибочность” наших заключений самоочевидна при одном упоминании имен А. И. Соболевского, В. М. Истрина, А. М. Молдована, А. А. Пичхадзе, К. А. Максимовича. Все же Райнхарт решился продемонстрировать эту “ошибочность” на основе двух примеров. Первый связан со словом жьньюгъ (в современном русском – *жемчуг*). Райнхарт (с ссылкой на Н. А. Баскакова) пытается внушить, что слово вошло в русский язык едва ли не прямо из китайского через посредство неизвестных тюркских языков. Все же сказано, что, может быть, И. Г. Добродомов прав, допуская посредство языка волжских болгар или какого-то другого неизвестного тюркского языка. Какое значение может иметь тот факт, что слово, в более древней своей форме жьньюгъ, встречается в *Златоструе* по древнерусскому списку XII в.? Может быть Райнхарт установил, что *Златоструй* древнерусский текст? Если же считать, что в списке *Златоструя* сделана русская замена, то ее надо доказать и объяснить. Перед нами отрицание реально зафиксированного языкового факта и поиски неизвестных тюркских языков. Отрицание реального факта дошло до того, что Райнхарт проводит разграничение между языком “волжских” и языком “дунайских” болгар, хотя если между ними и существуют различия, то установить их весьма не просто; гораздо более существенно то, что между ними нельзя отрицать родственной связи. К тому же жьньюгъ не является единственным словом дунайских болгар в *Златоструе*; ср. кълъгъ ‘нахлебник, прихлебатель’, *παράσιτος* л. IIa, 22, л. IVb, 21-22¹¹⁷. Можно привести еще тьма *μύριον* л. IIIb, 21-22, л. IVb, 21-22¹¹⁸.

славянского перевода Жития Андрея Юродивого). София, 2002; **Станков Р.** К проблеме древнейших славянских переводов с греческого. – *Slavica Gandensia* (29) 2002, с. 177-205; **Станков Р.** Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сб. в чест на Р. Павлова*, София, 2003, с. 380-389; **Станков Р.** Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания*. София, 2003, с. 273-279; **Станков Р.** К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Преславска книжовна школа, т. 7, Изследвания в памет на проф. Ив. Гълъбов*. София/Шумен, 2004, с. 57-72; **Станков Р.** Лексический критерий и славянские переводы с греческого. – В: *Преводите през XIV столетие на Балканите*. София, 2004, с. 455-475; **Станков Р.** Из наблюденията върху лексиката на ранния славянски превод на Хрониката на Георги Амартол. – *Црквене студије*, 1, 2004, с. 197-203.

¹¹⁵ Речь идет о статье: **Станков Р.** Лексический критерий и славянские переводы с греческого. – В: *Преводите през XIV столетие на Балканите*. София, 2004, с. 455-475.

¹¹⁶ **Reinhart J.** Рец. на: *Преводите през XIV столетие на Балканите*. София, 2004, 518 с. – *Wiener slavistisches Jahrbuch* (51), 2005, с. 290-291.

¹¹⁷ **Ильинский Г. А.** Златоструй А. Ф. Бычкова XI века. София, с. 8, 13, 61. Сравнивая кълъгъ с поздним рус. коуль ‘раб, слуга’, А. Минчева выделяет в нем суффикс -yg- (**Minčeva A.** *Lingustische Aspekte der Übersetzung von Simeons “Zlatostruj”*. Präliminarien. – In: *Studien zu Literatur und Kultur in*

Второй пример связан со словом *крѣста* ‘гроб’, чье происхождение в славянских языках является дискуссионным (отдельные авторы считают его балтизмом¹¹⁹), – точнее, с его производным *крѣстница* ‘гроб’. По словам Райнхарта, в нашей статье утверждается, что *крѣстница* восходит к болг. диал. *крѣстица* ‘ящик, сундук’, между тем как речь идет о том, что болгарское диалектное слово является реликтом древнего *крѣстница* ‘гроб’. Если Райнхарт не видит связи между *крѣстница* ‘гроб’ и диал. *крѣстица* ‘ящик, сундук’, которое никак не может восходить к болг. *крѣст* ‘крест’, то не наша в том вина; к тому же *крѣстница* не может быть финским заимствованием, как считает Райнхарт, поскольку является славянским образованием с суффиксом -нц-а. На фоне сказанного еще более странно звучит заключительное обвинение Райнхарта в “филологическом шовинизме” (“*phillologischem Chauvinismus*”).

3) Третий вывод связан с возможностью реконструировать “культурный диалект Моравии (Паннонии)”: “Анализ региональной лексики ЗСЛ и НМ подтвердил факт, установленный на материале ранних славянских заимствований в венгерский язык, что славянский культурный диалект Моравии (Паннонии) содержал западнославянские элементы. С другой стороны, наличие южнославянских реликтов в среднесловацком говоре и схождения словенского и сербохорватского с западнославянскими языками позволяет предполагать, что паннонский диалект носил смешанный характер, сочетая в себе южно- и западнославянские черты... Ввиду того что в лексике НМ выявляются отдельные паннонизмы, представляется плодотворным рассматривать ЗСЛ и НМ в качестве важнейших (и древнейших) письменных источников для реконструкции некоторых лексических (и в перспективе, возможно, и грамматических) черт позднеславянского паннонского диалекта”¹²⁰.

4) Четвертый вывод сформулирован таким образом как будто “культурный диалект Моравии (Паннонии)” уже восстановлен:

Osteuropa. Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistenkongreß, Herausgegeben von Hans-Bernd Harder und Hans Rothe, Köln-Wien, 1983, S. 180-181 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, Bd. 18)). М. Фасмер связывает *кѣль* ‘раб, слуга’ с тюркскими народами к востоку от Каспия (Этимологический словарь русского языка, II, с. 408); само слово фиксировано в начале XVII в. (Словарь русского языка XI-XVII вв. 8, с. 113). О слове *кѣльгъ* см. также: *Rusek J.* Protobulgarzy i ich rola w dziejach języka bułgarskiego. – *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, (24), 1987, s. 238; *Делева А.* Речник на прабългарските заемки в старобългарските паметници. приложение към: *Прабългарски заемки в старобългарски език (механизми на езиковата адаптация)*, дисертация, София, 1996. О суффиксе -уг- в др.-болг. *тъльгыгъ* см.: *Русек Й., М. Рачева.* К древнейшим заимствованиям тюркского происхождения в болгарском языке: *тъльгыгъ* ‘мешок из целой кожи’. – *Балканско езиковедие*, (XXIII), 1980, № 1, с. 39-41.

¹¹⁸ *Ильинский Г. А.* Златоуструй..., с. 11, 13, 61; *Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century.* Sofia-Trondheim. – http://rosa.hf.ntnu.no/hf/slavic_corpus

¹¹⁹ Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования, ред. М. А. Бородина, Наука, Ленинград 1980, с. 175; см. также: *Станков Р.* Время и место..., с. 19; *Станков Р.* Лексический критерий..., с. 464-468.

¹²⁰ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 151-152.

“Исследование полностью подтвердило тяготение старосербской (хорватской, словенской) книжности к западнославянскому языковому ареалу – прежде всего в отношении религиозно-культурной (культурной) лексики. Многочисленные изолексы, объединяющие сербско-хорватско-словенские памятники с западнославянскими (чешскими, богемскими), доказывают, что в раннеписьменную эпоху (IX-X вв.) сербохорватские и словенские диалекты в отношении культурной лексики объединялись с диалектами западнославянской группы (ср. п. 3)...”¹²¹.

В этом проявляется стремление отделить определенные тексты от реально существовавшей древнеболгарской традиции и присоединить их к так называемой “моравской” традиции, чье существование на протяжении целого столетия зиждется на довольно шатких положениях и чей объем сильно преувеличивается. В докторской диссертации К. А. Максимовича эти тексты уже получили этикетку “Паннонские юридические памятники”¹²². Подобные интеллектуальные изощрения демонстрируют тенденциозную направленность, доходящую до полного пренебрежения здравым смыслом. Последнее находит свое наиболее яркое выражение в заключительных словах 4-го пункта: “Следовательно, древнейший культурный наддиалект западных и юго-западных славян и возникший на его основе (*курсив наш*, – Р.С.) в конце IX в. славянский книжный язык в лексическом отношении можно считать мораво-паннонским, если отвлечься от нескольких грецизмов, вошедших в него в период византийской миссии Константина и Мефодия...”¹²³ В конце статьи сказано, что первый славянский перевод евангелия “сделан у западных славян”, к нему (на основе слова *прѣтъкънѣти* ‘доказать’, о котором мы уже писали) присоединен и Апостол¹²⁴. (Заметим вскользь, что этих несколько грецизмов в классических древнеболгарских памятниках, по данным Р. М. Цейтлин, 1778 единиц из 9616; т.е. каждое пятое или шестое слово в памятниках древнейшего периода – грецизм¹²⁵.)

По сути дела данный тезис Максимовича является новой попыткой привести в чувство небезызвестную “паннонскую” теорию: Кирилл и Мефодий осуществили первые переводы на мораво-паннонском диалекте! Далее К. А. Максимович сослался на мнение Н. Ван-Вейка¹²⁶, согласно которому древнейший книжный язык славян следует называть не “древнеболгарским”, а “древнецерковнославянским”, чтобы неоправданно не относить к болгарским немалое число текстов западного происхождения¹²⁷. Это вновь возвращает нас к дискуссии конца 80-х годов XX в. о диалектной

¹²¹ Максимович К. А. Региональные..., с. 152.

¹²² Максимович К. А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности. Автореферат докторской диссертации, Институт русского языка. Москва, 2007.

¹²³ Максимович К. А. Региональные..., с. 152.

¹²⁴ Максимович К. А. Региональные..., с. 154.

¹²⁵ Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X-XI вв., Москва 1977, с. 27; Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X-XI вв. София, 1986, с. 36.

¹²⁶ Ван-Вейк Н. История старославянского языка. Москва 1957, с. 19-20.

¹²⁷ Максимович К. А. Региональные..., с. 153, примеч. 36.

основе первого литературно-письменного языка славян¹²⁸. В таком случае полезно вспомнить мнение А. Лескина: “Der Gebrauch der Namen “altslovenisch” (lingua palaeoslovenica) und “pannonisch-slovenisch” (lingua pannonicoslovenica) ist jetzt im Verschwinden; entweder braucht man das über die Heimat der Sprache nichts aussagende “kirchenslavisch” und “altkirchenslavisch” oder nennt sie “altbulgarisch”. Diese Bezeichnung hat insofern keine historische Berechtigung, als die Sprache zur Zeit ihrer ersten Aufzeichnung im 9. Jahrh. von den sie Redenden nicht bulgarisch genannt wurde. Der Name *Bulgaren* ist überhaupt ursprünglich nicht der eines slavischen Stammes, sondern eines türkischen Volkes, das um 680 die in Mösien, zwischen Donau und Balkan, sitzenden einzelnen Slavenstämme unterwarf, einen Staat schuf und allmählich in den Unterworfenen aufging, während diese unter dem Namen der Eroberer als “Bulgaren” in der Geschichte weiterleben. Wer also die Bezeichnung “altbulgarisch” anwendet, will damit sagen, daß er das *Altkirchenslavische zu derjenigen Gruppe slavischer Mundarten rechnet, die neute wegen bestimmter, ihnen allein eigentümlicher Züge unter dem Namen “bulgarisch” zusammengefaßt werden.* Da die Zugehörigkeit des Altkirchenslavischen zu dieser Gruppe kaum noch von irgendeinem Slavisten bezweifelt wird; erscheint der Name “altbulgarisch”, weil er jenes Verhältnis deutlich ausdrückt, als der zweckmäßigste”¹²⁹.

5) В пятом пункте высказано утверждение, что проанализированная “западнославянская” лексика распространилась посредством христианства и стала частью диалектного и книжного вокабуляра славянских народов¹³⁰. Здесь полезно вспомнить отдельные весьма экзотические гипотезы о распространении христианства на Руси. Так, признавая роль древнеболгарской письменности в развитии христианской культуры на Руси, М. Г. Попруженко все же полагает, что христианство широко распространилось на Руси непосредственно из Моравии еще во времена Кирилла и Мефодия: “Руското население, което от най-древни времена заема Карпатските склонове, е трябвало без съмнение, да изпита непосредственото въздействие от апостолската дейност на светите братя. Населението от тези местности е било най-добрият проводник на христианската просвета в Приднепровска Русия и в околностите на Киев във времето след смъртта на Мефодия, а може би още през време на неговия живот (до 885 г.). Определяйки така в общи черти географското положение, ние можем да кажем, че става дума за движение на проповедническата дейност на св. Кирила и Мефодия или на техните ученици в посока от южната част на Чехословакия към изток, към Русия, към Киев... Преосвещеният Димитрий, който заемаше архиепископска катедра в една от западноруските епархии, доказа, че проповедта на светите братя чрез техните ученици е достигнала до

¹²⁸ *Цейтлин Р. М.* О содержании термина “старославянский язык”. – Вопросы языкознания, 1987, № 4, с. 43-58; *Дунков Д., Р. Станков.* К вопросу об основных положениях становления и развития древнеболгарского литературно-письменного языка и его изводов. – *Palaeobulgarica/ Старобългаристика* (XII), 1988, 1, с. 9-28.

¹²⁹ *Leskien A.* Grammatik der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1919, XI-XII.

¹³⁰ *Максимович К. А.* Региональные..., с.153.

споменатите западни покрайнини на Русия; той също така сочеше на вещевени паметници – храмове, кули и крайпътни кръстове с икони в чест на св. Кирила, на св. Димитрия Солунски, който е бил особено почитан от св. св. Кирила и Методия, и др.”¹³¹.

По этому поводу В. Николаев справедливо заметил: “Толемият руски учен грешни обаче, когато смята че християнството дошло в Киевска Русия от Чехия, по простата причина, че през княз-Борисовото време, както впрочем още при Омуртага и Пресияна, България е граничела с Киевската руска държава¹³². Българската северозападна граница е стигала до най-северния завои на Тиса¹³³ ... Така щото, отбелязаният от проф. Попруженко култ към св. св. Кирил и Методи и към св. Димитър Солунски в земите на Подкарпатска Русия е дошъл очевидно не направо от Чехия в Киевска Русия, а от българския Преслав”¹³⁴.

б) Шестой пункт связан с влиянием “западного (мораво-паннонского) культурного диалекта” на восточноболгарскую книжность. Прделанный нами анализ говорит о другом: наличие “западно-славянской” лексики (может быть, за небольшими исключениями) в древнейших памятниках болгарской письменности ничем практически не подтверждается. В этом пункте говорится о возможном влиянии даже на болгарский бытовой язык. Если вернуться к анализу слова *воль*, то сразу станет ясно о каком “паннонском” влиянии может быть речь.

7) Седьмой пункт связан со средствами *верификации* и *фальсификации* западных (мораво-паннонских) лексем в древнеславянском книжном вокабуляре¹³⁵. Нельзя не заметить, что методология К. А. Максимовича вместе с практическими результатами его исследования направлены в гораздо большей степени в сторону фальсификации, нежели в сторону верификации “мораво-паннонизмов” в древней славянской книжности. Правда, процесс фальсификации начался задолго до К. А. Максимовича. Дабы не быть голословными, добавим еще несколько штрихов к картине, обрисованной в наших работах, посвященных проблеме “моравизмов”. Возьмем к примеру такой текст как *Беседы на евангелие* папы Григория Двоеслова по древнерусскому списку XIII в. (собрания Погодина, № 70), как полагают, – западнославянского происхождения. Однако далеко не все “западнославянские” лексемы, “доказывающие” его происхождение, заслуживают право на такую характеристику. Приведем список этих слов по

¹³¹ *Попруженко М. Г.* България и Киевска Русь. – Родина, I, 1939, № 3, с. 27.

¹³² Необходимо уточнить, что еще рано говорить о Киевском государстве во времена Омуртага и Пресияна (первая половина IX в.).

¹³³ См. карты в: *Niederle L.* Manuel de l'antiquité slave. I, Librairie Ancienne Honoré Champion. Paris, 1923 (Les Slaves de l'est et du sud au X-e siècle); История на България в XIV тома. Т. II, Първа българска държава. София, 1981, с. 140.

¹³⁴ *Николаев В.* Славянобългарският фактор в християнизацията на Киевска Русия. София, 1949, с. 14.

¹³⁵ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 153-154.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

А. И. Соболевскому¹³⁶: варовати сѧ, варовьнъ – чешск. *varovati, varovný*, влѧць privatus – ст.-чешск. *vláščí*, вѣсть – чешск. *věstý*, вѣдѣннѣ scientia – чешск. *vědění*, грнзь dysenteria – чешск. *hryz*, долѣ – чешск. *dole*, законьникъ sacerdos – ст.-чешск. и польск. *zakonnik* ‘монах’, нзволеникъ electus – ст.-чешск. *zvolenik* ‘ученик’, нзволити eligere – чешск. *zvoliti*, казати praedicare – чешск. *kázati*, каѧннѣ paenitentia – чешск. *káni*, каючьнъ (каючьно convenienter, каючьно ьсть congruit) – чешск. *klíčný*, малъчькъ – чешск. *malečko* ‘paululum’, молнтвьница oratorium – чешск. *modlitebnica*, намѣстнѣ haereditas – чешск. *náměstek*, пѣча cura – чешск. *péče*, рѧнтн – чешск. *račiti*, рѧспауати сѧ desperare – чешск. *rozpácitiše*, рѣъъ res – польск. *rzecz*, снага studium, снажьнъ studiosus – чешск. *snaha, snažný*, струсъ struthio – чешск. *pstros*, польск. *struś*.

О словах варовати, влѧць мы уже писали. Вѣдѣннѣ – девербатив от вѣдѣти ‘знать’. При широком употреблении глагола в древнюю эпоху, то что девербатив употребителен в современном чешском языке не имеет существенного значения, тем более что вѣдѣннѣ в подобном значении встречается и в древнеболгарских текстах – *Изборнике* царя Симеона и *Богословии Иоанна Дамаскина* в переводе Иоанна экзарха Болгарского: (25) мудрость же ьсть вѣдѣннѣ бжъскыиъхъ. ѧ ѧлѣчьскыиъхъ вѣштнѣ л. 60в, 17-21¹³⁷; (26) Вѣ ьстьствѣ възсѣано нашѣмъ вѣдѣннѣ, ако ьсть бѣ¹³⁸.

Слово вѣсть встречается в болг. диал. сложениях *блѧговест* ‘праздник Благовещения’ (ср. также личное имя *Благовест*), *зловест* ‘плохая вѣсть’¹³⁹. О слове грнзь в *Беседах* словари, к сожалению, ничего конкретного не сообщают. О словах долѣ, малъчькъ, рѧнтн (при широком распространении болг. *дole*, *малечък*, *рача*) даже говорить не стоит. Законьникъ тоже не имеет права претендовать на какой-то исключительно западнославянский статус, ср. болг. *законник* ‘тот, кто знает закон, кто учит Божьему закону’, достаточно красноречиво и сочетание *поп-законник*: *Постели ми шаренѧ одаѧ/И барай ми свѣщи и ламбады/Донеси ми поповы-законници (песня)*¹⁴⁰. Слова нзволеникъ, нзволити в *Беседах* означают ‘избранный’, ‘избрать’, ср. нзволити ‘избрать’, нзволеникъ ‘решение, выбор’ в древнеболгарских рукописях¹⁴¹. При этом нзволеникъ, возможно, не вышло за рамки книжных текстов, поэтому оно и сохранилось только в старочешском. При широкой гаме значений глагола казати вряд ли употребление в смысле praedicare следует считать древней особенностью чешского языка, несмотря на то, что в современном болгарском языке в данном смысле предпочтение

¹³⁶ *Соболевский А. И.* Словарный материал двух древних памятников чешского происхождения. – В: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СБОРЯС, Т. 88, вып. 3, Санкт-Петербург, 1910, с. 51.

¹³⁷ Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.)..., с. 316.

¹³⁸ *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus. Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, in der Übersetzung des Exarchen Johannes, I, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1967, S. 46 (= Monumenta Linguae Slavicae Dialetti Veteris, Fontes et dissertationes, t. V).

¹³⁹ Български етимологичен речник. I, с. 137.

¹⁴⁰ *Геров Н.* Речник на българския език. II, с. 80.

¹⁴¹ Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)..., с. 250-251.

отдано приставочному глаголу (*предскажа*), ср. также прѣждѣ казати¹⁴². Къаѣннѣ ‘покаяние, раскаяние’ – образование от къаѣти сѣ ‘каяться, раскаиваться’ и его присутствие в таком значении как в *Беседах* Григория Двоеслова, так и в Супрасльской рукописи не связано с особенностями чешского языка. В современном болгарском языке отдано предпочтение словам *покаяние, раскаяние*, слова *каене, каяне* крайне редкие, но последнее показывает, что в древнем тексте при вариантивности лексической нормы они имели полное право на употребление.

Клюуьнъ в *Беседах* употреблено в значении ‘подходящий’, например: (27) *клюуьно кѣтъ congruit*¹⁴³. Подобное употребление наблюдается и в переводе *Жития Андрея Юродивого*: (28) *се бо кѣму кѣтъ годно* (в других списках *кляуьно Тр, Б, В*) 3053-54 (*ἀρμόδιο γὰρ τούτῳ αὐτῷ*)¹⁴⁴; (29) *аще кѣтъ тако кѣму годно* (в других списках *кляуьно Тр, Б, В*) на спѣннѣ дшн кѣго 3069-79 (*Εἰ οὗτως ἐνὶ τῷ συμφέρον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ εἰς σωτηρίαν*)¹⁴⁵.

Молнтьвннѣ в *Беседах* означает ‘молитвенный дом, oratorium’. В современном болгарском языке *молитвеница* известна в говорах с предметным значением¹⁴⁶, но это не означает, что в древнеболгарском языке такое слово не могло иметь значения места, ср. *молнтьвннѣ* ‘молитвенный дом, εὐχτήριον’ в *Пандектах* Никона Черногорца по списку XIV в.¹⁴⁷ Нельзя забывать, что функциональная нагрузка суффикса *-ic(a)* и его варианта *-nic(a)* различна в южнославянских, с одной стороны, и западнославянских и восточнославянских языках, с другой стороны: в южнославянских языках суффикс предпочитает значение места, на втором месте стоит значение предметности, в западнославянских и восточнославянских языках основным значением суффикса является значение предметности¹⁴⁸.

Слово *намѣстнѣ* в таком употреблении вряд ли следует признать исключительной особенностью чешского языка; ср. болг. *наместо* ‘вместо, взамен’, *наместя* ‘заступить, заместить’, *намествам* ‘заступать, замещать’, *наместница* ‘заступающая чье-либо место; вторая или третья жена’, *любопытны* также значения слова *наместник* ‘заступающий чье-либо место’, ‘домовой’, ‘жертва во здравие больного’¹⁴⁹. П. Скок высказал мнение, что слав. **naměstnykъ* – семантическая калька с нем. *Staahtalter*¹⁵⁰. А. С. Львов считает, что *намѣстннѣ* совпадает с нем. *Staahtalter* ‘заместитель’, ‘преемник духовного лица, святого’. Немецкое слово, вероятная калька с лат. *locus tenens* или *loci servator*, известно с XIII в., но А. С. Львов полагает

¹⁴²Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)..., с. 280.

¹⁴³Slovník jazyka staroslověnského..., 15, s. 32.

¹⁴⁴Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности..., с. 304, 539.

¹⁴⁵Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности..., с. 304, 539.

¹⁴⁶Български етимологичен речник, IV, с. 217.

¹⁴⁷Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.), V, с. 16.

¹⁴⁸Вендина Т. И. К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками). – В: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984, Москва, с. 150.

¹⁴⁹Гергов Н. Речник на българския език, III, с. 189.

¹⁵⁰Скок Р. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, II, с. 438.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

также, что в языке оно существовало намного раньше. Автор полагает, что *naměstynkъ* возникло в западнославянских краях, в Моравии, где немецкое духовенство распространяло христианство уже с начала IX в.; существенное значение имеет и словообразовательный момент: такие слова образуются от глагольной основы, а глагол **naměstiti* нигде не зафиксирован¹⁵¹. Эту этимологию восприняли и другие авторы¹⁵². С этим не согласен О. Н. Трубачев, который не исключает возможности образования с суффиксом *-ik-ъ* от не очень широко распространенного прилагательного. Более вероятным все же О. Н. Трубачев считает праславянское образование на основе достаточно употребительного словосочетания **na městě*. Существенно в случае то, что в разных концах славянского мира (в польском и болгарском) слово имеет значение ‘мифический дух, домовый’, которое, по мнению Трубачева, не может иметь ничего общего с предложенным в литературе калькированием¹⁵³. Еще один случай, когда роль немецкого и латинского языков преувеличена.

Несколько иначе обстоит дело со словом *рѣчь* в значении ‘вещь, дело, предмет’. Приведем два примера из *Бесед*, где *рѣчь* *ѣвъ* переводит лат. *res publica*: (30) *въспомановенъ рѣчьскѣн рѣчн ѣвъ ѣстьнѣ владѣуци н-юдѣн цѣрь н назнаменуѣтъ сѧ готанае геіpublica*; (31) *ѣко н въ рѣчьскѣн рѣчн ѣвъ ѣдннѣ вбладды пншетъ сѧ in готана republica*¹⁵⁴. А. И. Соболевский сослался на польск. *rzecz*, поскольку в чешском слово *řeč* мало чем отличается по своей семантике от *реч* и *речь* в болгарском и русском. Такая ссылка не совсем корректна ввиду того, что польский язык меньше может иметь отношение к традициям Кирилла и Мефодия. Однако универсальный характер значений ‘слово’ и ‘вещь’ (*dicere* и *facere*)¹⁵⁵ не исключает возможности такого употребления в древнеболгарском памятнике. При этом нельзя не отметить, что форма *рѣчьскѣн* ‘римский’ болгарского происхождения (от *Роумъ* < *Рѡμη*; переход *ѡ*, *ѡ* в *оу*, *у* в болгарском¹⁵⁶). Проблематичность этимологии формы *Рнмъ* не касается формы *Роумъ*, которая признана болгарской¹⁵⁷.

Снага, *снажнъ* в *Беседax* означают ‘стремление, усилие, усердие’, ‘усердный’¹⁵⁸. В болгарском *снага* означает ‘тело (сильное, красивое)’, в сербском – ‘сила’. Все же ср. *снагота* ‘стремительность’ в *Словах* Григория Богослова XI в.: (32) *невъзможно есть. оубѣжатн дръжавы н снаготы гнѣва его л. 308с, 4-9 (κράτος τῆς ὀργῆς αὐτοῦ καὶ τὸ τάχος)*¹⁵⁹.

¹⁵¹ Львов А. С. Из лексикологических наблюдений. – В: Этимология 1977, Москва, 1979, с. 61-63.

¹⁵² Български етимологичен речник, IV, с. 485.

¹⁵³ Этимологический словарь славянских языков, с. 22, 187-188.

¹⁵⁴ Slovník jazyka staroslověnského, с. 35, 663.

¹⁵⁵ Чалъков М. Един славянски семантичен архаизъм. – Български език (XVIII), 1968, 2-3, с. 207-210.

¹⁵⁶ Дзидзилис Х. Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език. София, 1990, с. 22-23.

¹⁵⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. III, с. 483-484; Български етимологичен речник, VI, с. 258.

¹⁵⁸ Slovník jazyka staroslověnského, 38, с. 133.

¹⁵⁹ Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century, Sofia-Trondheim. – http://rosa.hf.ntnu.no/hf/slavic_corpus; греч. текст по: Срезневский И. И. Материалы..., III, с. 452.

Как видно, список А. И. Соболевского пришлось сильно редуцировать, остались лишь *peča cura* – чешск. *péče*, *распауатн са desperare* – чешск. *rozpáčitise*, *струсъ struthio* – чешск. *ptros*, польск. *struś*. Слова *peča* и *распауатн са*, возможно, не принадлежат языку перевода, т.е. не являются первичными чтениями в *Беседах*. В Погодинском списке читается *печю нмочуть*, но в Синодальном – *печаль нмать*¹⁶⁰. Сложнее обстоит дело с *распауатн са* ‘сомневаться, смущаться, колебаться’ и девербативом *распауеннне* ‘колебание, сомнение’ *dubium*: (33) *нже распауатн са юже ѡ нстннѣ ѡвлєннѣ могаъ бѣ. аще вѣрѣи словесемь рѣнѣи не створнлѣ бѣша desperare 37, 285aβ 4 sq (распауатн са Uvag., расплакатн са sic! Synod.)*¹⁶¹. На основе чтения *распауатн са* восстанавливается слово *расплацатн са*, таким же образом восстанавливается и слово *распауеннне*¹⁶². Вполне возможно, что первичными являются слова *расплацатн са*, *распауеннне*; развитие чтений представляется следующим образом: *расплацатн са* → *распауатн са*, откуда в одном списке появилось *распауатн са*, а в другом – *расплакатн са*; *распауеннне* → *распауеннне*, → *распауеннне* → *распауеннне* (в других списках встречаются еще варианты *размѣшленнне*, *сѣмьѣннне*). *Расплацатн са* может означать ‘колебаться, сомневаться’, ср. глагол совершенного вида *расплатити дихотоμειν sesare*¹⁶³. Греческое слово означает ‘(раз)делить надвое’, откуда закономерно может появиться и значение ‘колебаться, сомневаться’, ср. болг. *двуумя се* ‘колебаться (в выборе)’, *раздвоявам се* ‘то же самое’. Ср. также *съплатити* ‘сшить, соединить’ в *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского (также *исемъ съплатнн бѣ*, 18-19)¹⁶⁴. Предположение о первичности *расплацатн са* дает возможность объяснить развитие других чтений, более поздний характер форм *распауатн са*, *распауеннне* можно объяснить тем, что девербатив (но с префиксом *рос-*, как и в чешском) известен украинскому языку, на что обратил внимание еще Ф. Миклошич; правда, против *распауатн са* в словаре автор поставил помету *glagolitisch*, но не объяснил ее¹⁶⁵. Слабым пунктом здесь является то, что формы *расплацатн са* и *распауеннне* восстанавливаются, в других подобных контекстах они, пока, неизвестны. Если допустить первичность чтений *распауатн са*, *распауеннне*, то следует обратить внимание на этимологию слова. В Махек связывает чеш. *ráčiti* с глаголом *opáčiti* (из *orak*) откуда отделилась форма *-ráčiti*¹⁶⁶; ср. болг. *разопáчвам (се)*, *разопáчам (се)*, *разопачване*, *разопачане*, *разопача*, кроме обычного значения галгольных форм ‘искривлять(ся), портить(ся)’ выделяется и значение ‘кривить душой’¹⁶⁷.

¹⁶⁰ Slovník jazyka staroslověnského, 24, c. 32.

¹⁶¹ Slovník jazyka staroslověnského, 33, c. 608.

¹⁶² Slovník jazyka staroslověnského, 33, c. 608-609.

¹⁶³ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, c. 787.

¹⁶⁴ Aitzemüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes, I-VII, Akademische druck-U., Graz, 1958-1975, I, S. 44; Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, s. 944.

¹⁶⁵ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, s. 787.

¹⁶⁶ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého, ČSAV, Praha, s. 425.

¹⁶⁷ Гергов Н. Речник на българския език, V, c. 40; см. также: Български етимологичен речник, IV, c. 894, *опак*.

О слове *строусъ* необходимо отметить, что оно известно и греческому языку, ср. *στρουθεών* (*στρουθεώνας τρεις*)¹⁶⁸ в *Хронике* Феофана и *στρουθίον* (*ὡς στρουθίον ἐν ἐρήμῳ; στρουθίον οὕτως*) в сочинениях Оригена¹⁶⁹; последний использует также и сложение *στρουθιοκάμηλος* с тем же значением – *τοὺς στρουθιοκάμηλους*¹⁷⁰. При этом в болгарском возможен переход *θ > с*; ср. у Иоанна Экзарха *πανѣта та езни (πάντα τὰ ἔθνη)* в переводе *Богословия* Иоанна Дамаскина¹⁷¹, где *з* на месте *θ* в результате озвончения *с* перед назальным *н*¹⁷². Х. Дзидзилис считает, что и частица *са* (с вариантом *за*) для образования будущего времени восходит к греч. *θα* (от *θέλω* ‘хочу’; ср. болг. *ще* от *хотѣти, хоциѣ*); другие авторы полагают, что *са* возникла из *ще* в определенных фразах посредством ряда фонетических изменений, что, на наш взгляд, слишком сложно и менее убедительно¹⁷³.

После А. И. Соболевского проблемы лексики *Бесед* Григория Великого коснулся В. Ф. Мареш¹⁷⁴. Однако ни тот, ни другой отметили такие слова, которые не согласовываются с их концепцией. Например, *тоѣгъ* ‘палка, посох’, *тоѣга* ‘то же’: (34) *ѣто же въ законѣ тоѣгъ. тѣкмо пастырѣва стража нареѣет са quid lex per baculum... designat 22,147bα 12; (35) тоѣггы держаща в роукахъ. н ѣдднѣ тѣцаще са baculus 22,143bα 7sq*¹⁷⁵. Как известно, болг. *тоѣга* является одним из немногих слов болгарского происхождения в болгарском языке¹⁷⁶.

В *Беседах* встречаются и отдельные грецизмы, что позволило В. Ф. Марешу сделать вывод, что переводчик-чех владел и греческим языком¹⁷⁷. Например, *дндаскальство* ‘учительство’: (36) *даръ дндаскальства censura magisterii*¹⁷⁸. Почему в таком случае переводчик-чех не использовал якобы ‘моравский’ суффикс *-bstvij-*, а употребил суффикс *-bstv-*¹⁷⁹. О слове *прѣдрѣомъ* (*πρόδρομος*) В. Ф. Мареш отметил, что оно неизвестно древним славянским памятникам, как будто это может служить доказательством, что в тексте *Бесед* его употребил переводчик-чех. Мареш отметил, что в словаре Ф. Миклошича¹⁸⁰ слово зафиксировано как название церкви, и процитировал

¹⁶⁸ Migne J. P. Patrologiae graece et latinae cursus completus. Seria Graeca, Paris, vol. 108, col. 664B

¹⁶⁹ Migne J. P. Patrologiae graece, vol. 13, col. 652A.

¹⁷⁰ Migne J. P. Patrologiae graece, vol. 13, col. 652A.

¹⁷¹ Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus, I, S. 26.

¹⁷² Дзидзилис Х. Фонетични проблеми..., с. 47.

¹⁷³ Български етимологичен речник, VI, с. 390-391, *ca*⁶.

¹⁷⁴ Mareš F. V. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehorě Velikého (Dvojeslova). – Slavia, (XXXII), 1963, 3, s. 435-444.

¹⁷⁵ Slovník jazyka staroslověnského, 43, s. 479.

¹⁷⁶ Младенов Ст. Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч. – ГСУ, Историко-филологически факултет, XVII, 1920-1921, София, 1921, с. 228-231; Младенов Ст. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език, Хр. Г. Данов, София, 1941, с. 637.

¹⁷⁷ Мареш В. Ф. Греческий язык в славянских культурных центрах Чехии XI века. – Byzantinoslavica, XXIV/2, 1963, с. 247-250

¹⁷⁸ Slovník jazyka staroslověnského, 9, s. 480.

¹⁷⁹ См. по этому вопросу: Станков Р. О лексических моравизмах, (2).

¹⁸⁰ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, s. 694.

Хрисовуль Стефана Душана по изданию Дж. Даничича: (37) н прьвое цркъвь 8 прнаблѣть *продромъ* съ всѣмн правнамн¹⁸¹ (тот же самый текст имел в виду и Ф. Миклошич). Как видно, речь идет о церкви в городе Прилепе в Юго-Западной Болгарии. Город известен с X в. и играл определенную роль в истории Болгарии: упоминается, например, в *Хронике* Кедрина¹⁸², согласно грамоте Василия II от 1019 г. входил в Битольскую епархию¹⁸³. В этом регионе, точнее в Слепче, имеется и монастырь Рождества Иоанна Предтечи, который, по сохранившимся документам, известен и с греческим именем *продромъ*¹⁸⁴. Дж. Даничич отмечает, что и сербский король Милутин построил монастырь с таким названием¹⁸⁵. Монастырь с таким именем имеется и в Битоле¹⁸⁶. Как название монастыря это слово встречается в Словаре И. И. Срезневского из *Записок* Игнатия чернеца о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим¹⁸⁷. То, что *продромъ* используется в Константинополе, неудивительно, однако использование данного слова в Юго-Западной Болгарии и в Сербии как имя церквей и монастырей показывает, что оно было употребительно и в языке. Поэтому мысль Мареша, что *продромъ* употреблено в *Беседах*, вероятно, по стилистическим причинам, звучит крайне неубедительно.

В контексте сказанного, гораздо более интересно то, что в *Беседах* встречаются слова с греческими окончаниями: *саръднннсь*, *топазннсь*, *крнжолнтсь*, *бърнлсь*, *сафнрсь*, *каръвънъкоульсь*, *змарагдаульсь*. В. Ф. Мареш предпочел отделаться следующим замечанием: “можно предположить, что они проникли в язык *Бесед* из церковнославянского библейского перевода или, что их ввел вместо каких-то других форм не чешский переводчик, а русский переписчик”¹⁸⁸. Наличие таких форм в списке *Бесед* XIII в. не может быть связано с русским переписчиком, потому что в это время знание греческого языка на Руси не было распространено. Предположение о влиянии библейского перевода тоже малоубедительно. Присутствие таких окончаний в славянском тексте свидетельствует о районе, где славянский и греческий языки находились в тесном контакте, а таким районом, очевидно, не могла быть Чехия в XI в. Подобного рода орфография отмечена и в других памятниках древнеболгарской письменности¹⁸⁹. Переводчик-чех в таком

¹⁸¹ *Мареш В. Ф.* Греческий язык..., с. 247, примеч. 4.

¹⁸² *Migne J. P.* Patrologiae graece, vol. 122, col 193.

¹⁸³ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931, с. 552; (Репринт под ред. на Б. Ангелов, Д. Ангелов), София, 1970; см. также: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. Т. I, София, 1924, с. 56; (Репринт: АИ “М. Дринов”, София, 1995).

¹⁸⁴ *Иванов Й.* Български старини из Македония..., с. 72.

¹⁸⁵ *Даничић Ђ.* Рјечник из књижевних старина српских, I-III, У Београду 1863-1864; (Репринт: Вук Караџић, Београд, без обозначения года), II, с. 455.

¹⁸⁶ *Иванов Й.* Български старини из Македония..., с. 479-481, 486.

¹⁸⁷ *Срезневский И. И.* Материалы..., II, с. 1524; Словарь русского языка XI-XVII вв., 200, с. 123.

¹⁸⁸ *Мареш В. Ф.* Греческий язык..., с. 249.

¹⁸⁹ *Славова Т.* Езикът на грешките в ранната славянска книжовна традиция. – В: Кирило-Методиевски студии, кн. 14, София, 2001, с. 22-31; *Федер У.* Диктуване и възпроизвеждане на църковно-славянски текстове. – В: Кирило-Методиевски студии, кн. 14, София, 2001, с. 32-39;

Преславска книжовна школа, Т. 10.

случае оказывается не только специалистом в области греческого языка (ср. греческие окончания, от которых Мареш так легко отказался), но и в области болгарского или “языка дунайских болгар” (тоагъ, тоага). Методология Мареша позволяет доказать, что практически все древнеболгарские тексты возникли в Моравии или в Чехии.

Такая практика продолжается и в наши дни. Так, недавно М. Вепршек посвятил статью молитве Григория Великого из древнерусского сборника Ярославского Спасо-Преображенского монастыря XIII в.¹⁹⁰ А. И. Соболевский в 1905 г. опубликовал восемь молитв из разных сборников, высказав мысль, что лексические особенности этих молитв роднят их с *Беседами* Григория Великого¹⁹¹. М. Вепршек разделяет это мнение. Среди лексем, указывающих на западнославянское происхождение как *Besed*, так и одной из упомянутых молитв, оказалось и слово нздѣшѣннѣ¹⁹². До сих пор слово было известно из Киевских листков: (38) да... рѣснотѣвнѣ нздѣшѣннѣ ѡвѣмѣмъ redemptione 2 a 19; (39) нъ нздѣшѣннѣ вѣчѣное прѣсно намъ бѣдн (sed indulgentia tuae praeveniat semper affectus) 5b 9¹⁹³. Значение слова определено как ‘искупление’. Такое толкование нуждается в уточнении. Более точное толкование – ‘избавление, спасение’; ср. нздѣшѣннѣ вѣчѣное в (39). В том же самом словаре нздѣшѣнтѣль в *Besedax* определено как ‘искупитель’ по отношению к Христу, что допустимо, но более точным определением все же является ‘избавитель, спаситель’: (40) нздѣшѣнтѣль нашъ redemptor noster 8, 25 бѣ 21sq; (36) нздѣшѣнтѣль нашъ Redemptor noster 4, 15бѣ 3 sq¹⁹⁴. Ср. нзбавнтѣль ‘избавитель, спаситель’ в *Besedax* с уточнением spec. de Christo: (41) нзбавнтѣла нашего дѣруга бѣсѣда alia Redemptoris nostri sententia 7, 28 ба 7 sq¹⁹⁵. Приведем контекст из третьей молитвы публикации А. И. Соболевского: (42) да нздѣшѣннѣ подасн всѣмъ грѣхомъ монмъ¹⁹⁶. В комментариях к этому месту А. И. Соболевский отметил: ср. в *Besedax* нздѣшѣнтѣль redemptor¹⁹⁷, а Мареш – “A Bohemism? нздѣшѣннѣ (Lat. indulgentia) occurs in Kiev Fragments and in Ostrov Song (Old Czech)”¹⁹⁸. Старочешский текст, указанный Марешом, представляет разказ о сотворении мира и относится ко второй половине XIII в.¹⁹⁹, в нем слово должно быть книжного происхождения. Данное слово (нздѣшѣннѣ – девербатив от

комментарий к работам Т. Славовой и У. Федерера см. в: *Станков Р.* Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола..., с. 276.

¹⁹⁰ *Vepřek M.* Církevněslovanská *Modlitva sv. Řehorě* a její původ v komparaci s latinskou předlohou. – *Slavia*, LXXVI, 2007, № 1, s. 1-11.

¹⁹¹ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв из русского сборника XIII века. – ИОРЯС, (X) 1905, № 4, с. 67.

¹⁹² *Vepřek M.* Církevněslovanská *Modlitva sv. Řehorě*, 2.

¹⁹³ *Slovník jazyka staroslověnského*, 13, с. 742.

¹⁹⁴ *Slovník jazyka staroslověnského*, 13, с. 742.

¹⁹⁵ *Slovník jazyka staroslověnského*, 13, с. 718.

¹⁹⁶ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 75; см. также: *Mareš F. V.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979, S. 77 (= *Slavische Propyläen*, Bd. 127).

¹⁹⁷ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 75, примеч. 4.

¹⁹⁸ *Mareš F. V.* An Anthology..., с. 77, примеч. у.

¹⁹⁹ *Gebauer J.* *Slovník staročeský*, I-II (A-N), Praha, 1970, I, p. XXI.

нздрѣшнтн) отражает специфическое юго-западное болгарское диалектное явление – эпентетическое смычно-взрывное [d]²⁰⁰. Оно неизвестно чешскому и словацкому языкам. Что касается мотивирующего слова (нзрѣшнтн, нздрѣшнтн), то О. Н. Трубачев специально отметил его древнеболгарское происхождение²⁰¹. Данное явление встречается и в текстах более позднего времени, но в них его следует расценивать как лексикализацию или как стремление писцов подражать древним образцам (ср., например, ѣздѣшн в *Житии Стефана Пермского* Епифания Премудрого²⁰²); в текстах раннего периода славянской письменности оно имеет фонетический характер. Иными словами, в виде нздрѣшннѣ слово не может быть богемизмом и служить доказательством чешского происхождения *Бесед* или какого-нибудь другого текста. Вряд ли и в виде нзрѣшннѣ оно может исполнять ту же самую функцию, поскольку мотивирующий глагол (нзрѣшнтн, нздрѣшнтн) древнеболгарского, как указал Трубачев, происхождения.

Это еще не все. А. И. Соболевский издал молитву Григория Великого²⁰³ по двум спискам: 1) Молитвослов или Часослов Ярославского Спасо-Преображенского монастыря второй половины XIII в. (Ярославский музей-заповедник, № 15481²⁰⁴); 2) по молдавскому списку XV в. (ГИМ, собр. Ундольского, № 1274). Оба списка почти полностью совпадают, за небольшими расхождениями. М. Вепршек относит перевод молитвы Григория Великого с латыни к XI столетию в Чехии²⁰⁵. М. Вепршек, однако, ничего не сказал о втором, молдавском, списке Молитвы, а он достоин нашего внимания. Список выдержан в болгарской орфографии, наблюдаются отдельные особенности среднеболгарского периода: ѡ вместо ѡ в 1 л. ед. наст., ѡ вм. ѡ в причастных формах, написание -ѡѡ вместо -ѡѡ. Вряд ли можно сомневаться в том, что молдавский список связан с болгарской традицией, т.е. восходит к среднеболгарской рукописи. М. Вепршек ничего не сказал о том, каким образом предполагаемый чешский перевод XI в. перекочевал из Чехии в Болгарию. Более того, у нас есть основания допускать, что и древнерусский список второй половины XIII в. (ЯМЗ 15481) восходит к среднеболгарской традиции. Так в конце молитвы читается: (43) тебе ѡ мнѡ дѡѡ; ср. в молдавском списке: (44) тебе ѡ мнѡ дѡѡ²⁰⁶. А. И. Соболевский прокомментировал написание дѡѡ как опisku, но на самом деле речь идет о мене юсов: дѡѡ из дѡѡ (< дѡѡ). Приведем параллельно несколько примеров, из которых видно, что в молдавском списке наблюдается ѡ вместо ѡ в 1 л. ед.

²⁰⁰ *Шклифов Б.* Долнопреспанският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1979, с. 35 (= Трудове по българска диалектология, кн. 11); *Шклифов Б.* Костурският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1973, с. 47 (= Трудове по българска диалектология, кн. 8); см. также: Граматика на старобългарския език. София, 1991, с. 83-84; *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. Москва, 1986, с. 63.

²⁰¹ Этимологический словарь славянских языков, 9, с. 67.

²⁰² Свяtitель Стефан Пермский. Санкт-Петербург, 1995, с. 118.

²⁰³ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 68-70, 70-72.

²⁰⁴ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI-XIII вв., Москва, 1984, с. 320-322, № 387.

²⁰⁵ *Vepřek M.* Církevněslovanská *Modlitva sv. Řehorě*, 10.

²⁰⁶ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 70, 72.

Преславска книжовна школа, Т. 10.

наст.: (45) тебе молю ГН н к тебе възпню *против* тебе са мѡа ГН н тебе възпїѡ²⁰⁷; (46) прошю н молю тебе ГН *против* прошѡ н мѡа тебе²⁰⁸; (47) тебе хваляю н тебе веанчюю *против* тебе хваля н тебе веанчяѡ²⁰⁹. В. Ф. Мареш прокомментировал мену ѡ ↔ ѡ как особенность молдавского извода “церковнославянского” языка (“in Moldavian CS the letter ѡ is frequently used instead of ѡ and vice versa”)²¹⁰, ничего не сказав, что эта графическая особенность восходит к фонетическому и орфографическому явлению среднеболгарской традиции. Здесь необходимо подчеркнуть, что молдавская традиция связана именно со среднеболгарской. Учитывая наличие болгарской традиции *Молитвы* Григория Великого вместе с тем, что древнерусский список связан с среднеболгарской традицией, можно предположить, что данная молитва в Чехии никогда и не существовала.

Все это показывает, сколь шатки основания при определении “западнославянского” происхождения отдельных памятников. Это тем более важно, что восьмой, и последний, вывод К. А. Максимовича включает два основных условия для локализации древнейших памятников на западе славянства:

8) “наличие в тексте языковых западославянизмов (прежде всего латинизмов и новых германизмов)”; “отсутствие в тексте языковых болгаризмов (лексем, отмеченных только в надежно локализованных болгарских памятниках и диалектах)”²¹¹. Основные положения рассмотренной студии К. А. Максимович повторил и в своей докторской диссертации²¹². Тенденциозность авторов, “восстанавливающих” солидную по объему “моравскую письменную традицию”, видна невооруженным глазом: их не смущает, например, такой факт, как полное отсутствие граффити²¹³! Тенденциозность наблюдается также и в исключительно качественном и надежном в лексикографическом отношении *Slovník'e jazyka staroslověnského*: прежде всего, как видно из заглавия искажено название первого письменного языка славян, но это еще полбеды. По сути дела это словарь Кирилло-Мефодиевской миссии в Моравии: из 78 текстов, представленных в словаре, на долю “Кирилло-Мефодиевских” приходится 55, на долю эпохи царя Симеона всего лишь 5, русско-славянскими определены 3 небольших текста, 14 текстов являются богемско-славянскими; лишь тексты в Клоцевом сборнике отнесены и к Кирилло-Мефодиевской миссии, и к эпохе Симеона²¹⁴. Такая картина вряд ли отвечает действительности, особенно если учесть, что Супрасльская рукопись (эпоха Симеона) дает примерно половину лексических единиц всего словарного состава словаря, не говоря уж о довольно произвольном отнесении определенных текстов ко времени Кирилло-Мефодиевской миссии. К тому же

²⁰⁷ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 68, 71.

²⁰⁸ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 69, 71.

²⁰⁹ *Соболевский А. И.* Несколько редких молитв..., с. 69, 71.

²¹⁰ *Mareš F. V.* An Anthology..., S. 73, примеч. n.

²¹¹ *Максимович К. А.* Региональные..., с. 154.

²¹² *Максимович К. А.* Паннонские юридические памятники...

²¹³ См. хотя бы: *Младенова М.* Кирило-Методиева география и езикова история или западните славяни. Кирил и Методий и какво е (о)станало после. София, 1999.

²¹⁴ *Slovník jazyka staroslověnského*, 2, LXXI-LXXIII.

Фрейзингенские молитвы, написанные латиницей, вряд ли имеют право на включение в словарь²¹⁵.

В заключение можно еще раз констатировать, что большинство так называемых лексических “моравизмов” моравизмами не являются. “Методика” выявления таких лексических “моравизмов” ставит перед собой совсем другие цели, которые лежат за пределами филологической науки. Роль и значение отдельных редких лексических моравизмов относительно происхождения того или иного текста не следует переоценивать, поскольку их присутствие может объясняться явлением языковой интерференции. Ярким примером в этом отношении может служить слово папежь, которое в раннем переводе *Хроники* Георгия Амартола то и дело перемежается со словом папа. Следует ли из этого, что ранний перевод *Хроники* Георгия Амартола сделан в Моравии или в Чехии?

TOWARDS THE LEXICAL MORAVISMS IN THE ANCIENT SLAVONIC MANUSCRIPTS (3)

Rostislav Stankov (Sofia)

(Summary)

The paper deals with kind of words which due to the almost centenary tradition are considered to be “moravian” or “pannonian” by origin. The list of “moravisms” was gradually reduced to about 15-20 words. Some scholars make a new attempt to wide the vocabulary of “moravisms”. Furthermore, a new concept of finding out “moravisms” was proposed. The analysis proposed here confirms our previous observations – most of these words are considered “moravisms” erroneously, and the new concept of “moravisms” itself is ungrounded. Even that small number of real moravisms cannot be considered as a proof of Moravian origin of any Old Slavonic text.

---

²¹⁵ Другие словари их закономерно не включают в состав источников.